

В. П. РАКОВ

РУССКИЙ МОНАРХИЧЕСКИЙ МИФ И ЕГО САМООТРИЦАНИЕ

1. *Методологическое введение.* Не отвлекаясь в сторону абстрактных суждений об интеллигенции, сразу же сформулируем цель предлагаемой статьи: мы попытаемся показать обусловленность политических ориентаций и даже доктрин не только социальной основой жизни, но и тем культурным фундаментом, на котором возросла личность того или иного публичного деятеля. В многочисленных работах, посвященных истории интеллигенции, последнему из упомянутых факторов уделяется неоправданно малое внимание. Исследователи обольщаются эффективностью подхода, который мы назвали бы принципом прямого действия, в соответствии с которым субъект политики изображается как индивидуум или некое партийное сообщество, действующее лишь под напором "объективных обстоятельств", магия которых напоминает нам inferнальность непреодолимых колдовских сил. Но в истории, как заметил в свое время Б. Ф. Поршнев, кроме суггестии, есть и контрсуггестия¹, слагающаяся из безграничного ряда условий, включающих в себя и такие, которые вряд ли можно отнести к числу "серьезных". Историки рассказывают, что Наполеон проиграл битву под Ватерлоо потому, что геморроидальные боли лишили полководца умственной и волевой активности. Бесспорно, такая логика способна превратить историю, да и личную биографию великого человека, в сплошную череду анекдотов, где грандиозные явления низводятся до уровня пустяков и предметов досужей болтовни. Но то, что угроза профанации подлинного знания повелевает искать источник *объемных* толкований всякого исторического эпизода, – очевидно.

Так обстоит дело и с проблемой интеллигенции – как при теоретическом ее осмыслении, так и в случаях конкретных социально-психологических и политологических штудий, когда требуется определить: что же представляет собою такой-то человек или такое-то объединение, причисляемое к интеллигенции. Здесь нужно искать причины и аргументы не только общего характера, но и то, что называется жизненной и культурной окказиональностью, соблюдая в отношениях первого и второго необходимое равновесие в срезе их объяснительных энергий. Проще говоря, надо помнить о правиле золотой середины и не бросаться от одной крайности к другой. Мы полагаем, что интегральной величиной, которая способна уравновесить и гармонизировать противоположности мыслимой картины мира и жизни человека в ней, является не какой-то рационализированный концепт и не какая-то семантически однозначная теоретическая категория, но – понятие, включающее в себя как логические, так и иррациональные моменты бытия. Мы имеем в виду не что иное, как миф.

К этой дефиниции историки демонстрируют скептическое отношение. Они почему-то убеждены, что источником всякого рода несчастий, обрушившихся на нашу страну, только и могут быть мифы, некогда исповедывавшиеся политической элитой. Такая мировоззренческая традиция имеет исторические корни. У нее, впрочем, есть своя правда, но будет полезнее, если мы сосредоточимся на более широком восприятии проблемы и попытаемся извлечь из нее моменты, плодотворные для интеллигентоведения и его исследовательского дискурса.

Сейчас мы не будем формулировать наше понимание мифа, но укажем лишь на его высокую ценность: в пределах собственных возможностей он создает не просто картину мира, о которой нами упомянуто выше, но картину, в которой мир представлен как целое, противостоящее фрагментарной его раздробленности и "расхищенности" различными (само-

стоятельными) формами знания. На этой целостности базируются прежде всего так называемые *народная наука и народная философия*, столь высоко ценимые исследователями ментальных аспектов человеческого существования². Сколь бы ни была индивидуализированной личностная жизнь человека, она также подчинена космизирующей поэтике мифа³, благодаря чему в глазах каждого из нас мир предстает в некой стройности и упорядоченности. Однако тут мы подошли к такому теоретическому пункту, где есть о чем поговорить и, в первую очередь, о методологической стороне проблемы. В самом деле, почему у читателей нередко возникает чувство горечи и разочарования от знакомства с трактатами об интеллигенции? Ведь авторы, пишущие на данную тему, мобилизуют изощренные ресурсы рациональной методологии. Кажется, все у них разумно и нет нужды привносить в их стратегию какие-то новшества: ясно же, что всякий дискурс должен удовлетворять требованиям этой самой рациональности. Спорить с этим никто не собирается, мы хотим лишь сказать, что чисто сциентистское толкование категорий "интеллигенция" и "политика" отстоит весьма далеко от их сущности. Причин этого – множество, но среди них есть главная, именно, осуществляемая исследователями редукция духовного контекста национального бытия, взятого во всей его глубине и многообразных тонкостях, вплоть до таинственных и мифологических. Культура насыщена экзистенциально важными смыслами, потому она и определяется "как умение жить"⁴. Существование интеллигента разворачивается не только в системе "концептов", но и в пространстве того, что можно назвать интуициями, которые подчас ярко и глубоко переживаются, но не всегда столь же интенсивно и прямо осознаются. Духовная жизнь есть диффузный сплав разума и чувства, логоса и алогии, света и мглы, энергии порыва и покоя безмыслия⁵. Вся эта полнота жизни обогащается и расцветивается всякого рода индивидуальными реакциями, жестами, иначе говоря, выразительной клавиатурой поведенческого

стиля, часто отдаленного от какой-либо рационализированной, не говоря уже о собственно научной, саморефлексии.

Для формирования актуального интеллигентоведческого дискурса важен исследовательский опыт классиков исторической науки. Труды Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского – глубокие источники эвристических стратегий с таким ценным их качеством, как методологический синтетизм. Из работ западных ученых выделим "Осень Средневековья" Й. Хейзинги⁶, где сосредоточено внимание на сенсуальной, соматической и интуитивной стороне изучаемой эпохи. Тут показателен широкий охват жизненных компонентов, составляющих общий план интеллектуальных и чувственных ориентаций человека определенного времени. Оглавление книги включает, например, такие разделы: 1. Яркость и острота жизни. 2. Желание прекрасной жизни. 11. Образ смерти. 12. Образное претворение веры. 19. Чувство прекрасного и т. п.

Для автора настоящей статьи в исследовании Хейзинги существенно и то, что здесь мы находим описание реакций на семиотические аспекты социально-культурной атмосферы времени. Это формулируется в таких разделах труда, как 20. Образ и слово, а также 21. Слово и образ. Вслед за М. М. Бахтиным, мы полагаем, что наука, игнорирующая филологическую сторону своего проблемного круга, не может претендовать на статус гуманитарной дисциплины⁷. Традиционно мыслящему специалисту с его склонностью к методологическому пуризму этот тезис может показаться неоправданным и претенциозным. Но мы, воспитанные в контексте философии диалогичности культуры, герметичность исследовательской практики считаем малопродуктивным качеством.

Диалогичность научного сознания – достояние не только филологии, но и истории. Что же касается интеллигентоведения, то оно, безусловно, должно заявить о себе как наука синтетическая. Эта отрасль знания представляет собой науку о духе во всем богатстве его исторической

данности. Очевидно и то, что именно в *слове* и *образе* духовное содержание времени только и может обрести наиболее глубокое свое воплощение. Формулируя эту сложную специфику интеллигентоведения, мы убеждены и в том, что оно будет во многих случаях прибегать к помощи смежных наук, как, впрочем, и история, о стратегии которой в свое время размышлял Марк Блок. У него находим следующее суждение: "<...> чтобы правильно понять и оценить методы исследования данной дисциплины – пусть самые специальные с виду, – необходимо уметь их связать вполне убедительно и ясно со всей совокупностью тенденций, которые одновременно проявляются в других группах наук"⁸.

Идея диалогичности исследовательского дискурса в XX веке стала методологически доминирующим признаком исторических сочинений. Изучая те или иные эпохи в их ментальном своеобразии, специалист находит в них и то, что можно было бы назвать *своим*. Он, таким образом, ощущает собственную включенность в духовно-историческую процессуальность. Как писал Р. Дж. Коллингвуд, такая форма знания впервые за всю историю человечества дала людям "реальную возможность исполнить повеление оракула "Познай самого себя!" и вкусить плоды, которые могут быть только результатом этого самопознания"⁹. Разъясняя свое суждение, автор "Идеи истории" говорит о необходимости своеобразного артистизма исследователя, способного проецировать и налагать друг на друга *чужое* и *свое*, находя в них моменты общечеловеческого, то есть духовного единства между эпохами и вот этой, такой-то личностью современного ученого. Узнавание *чужого* влечет за собою постижение самого себя. В тексте Коллингвуда обоснование данных тезисов выглядит так: "Если историк, познает мысли прошлого и познает их, продумывая их вновь в себе, то отсюда следует, что знание, обретаемое им в ходе исторического исследования, не является знанием о его положении, противопоставленным познанию самого себя. Это – знание своего положения,

являющееся в то же время и познанием самого себя. Продумывая вновь чью-нибудь мысль, он мыслит ее сам. Зная, что кто-то другой мыслил таким образом, он узнает и о своей способности мыслить таким образом. А убеждаясь, что он в состоянии это делать, он устанавливает и то, каким человеком он сам является. Если он в состоянии понять мысли людей самых различных типов, воспроизводя их в себе, значит, в нем самом должны присутствовать самые различные типы человека. Он должен быть микрокосмом всей истории, которую он в состоянии познать. Таким образом, познание им самого себя оказывается в то же самое время и познанием мира людских дел"¹⁰. Так поступаем и мы, понимая под термином "интеллигентоведение" историю идей, проектов и образов, представленных в облике чувственных переживаний и в стиле жизненного поведения личностей как их носителей. Описание же и анализ соответствующих материалов располагаются в пространстве некоего *междуцарствия*: ведь реконструкция *объективного* (то есть ставшего "историческим") неотрывна от субъективной рефлексии исследователя, находящегося в культурной атмосфере своего времени. Избранный нами дискурс лишен всякой деспотии, ибо он позволяет адекватно воссоздать *былое* и обогатить его коннотациями, свойственными иной эпохе и, следовательно, иным людям, выражающим себя в определенном складе мысли, чувства и слова (образа).

Не будет лишним напомнить, что подобные интенции мыслительной работы сближают нас с еще одной научной традицией, возникшей на рубеже XIX-XX вв.¹¹ и давшей толчок к созданию методологии, получившей название "нового историзма". Если раньше ученый стремился к тому, чтобы, исследуя минувшее, представить его удаленным, пребывающим "на своем месте" и никак не корреспондирующим с нашим временем, то ныне прилагаются усилия к тому, чтобы понять историю – в ее вещественном и духовном облике – как наше *окружение*, как неустрани-

мый признак и органический элемент современного бытия. Интеллигентоведение должно осознать эту задачу как актуальный научный вызов, на который оно должно дать достойный ответ, смысл которого заключается в побуждении исследователей к мыслительному *участию* в реконструируемом прошлом. Не в последнюю очередь, подобная активность может проявиться на уровне интерпретации изучаемого прошлого, будь это толкования философские, эстетические, психологические, герменевтические или вообще мыслимые во всей широте гуманитарной значимости. В таких процедурах личность исследователя имеет шанс реализовать себя почти всесторонне, не ограничиваясь лишь информативно-эрудиционной функцией, но представляя перед умственным взором читателя в своей общежизненной актуальности. Наглядным примером тут может служить книга историка, успешно осуществившего методологический синтез культурологии и философии, богословия и эстетики, а также филологии с активным использованием ее герменевтических возможностей¹².

Итак, поиски методологической стратегии, способной дать ключ к решению вопроса: что есть интеллигенция и каковы возможные параметры ее историко-научного постижения, приводят к мысли о необходимости актуализировать значимость фундаментальных категорий, или констант, входящих в корпус духовной культуры. Это прежде всего – (1) миф, синтезирующий в себе логическое и алогическое, рациональное и чувственное и задающий методологические ориентиры при построении исследователем собственного дискурса. Очевидно, что эта доминанта не противоречит логике познавательного процесса, но лишь обогащает его, часто привнося в структуру мысли ученого драматические моменты.

Интеллигентоведение мы понимаем как историю идей, запечатленную в духовном облике отдельных личностей и в стиле их жизненного поведения. Однако сложность специального дискурса и его содержательно-аксиологическая объемность заключаются в том, что (2) изучаемое

былое и (3) современные его оценки находятся (4) в пункте схождения, обусловленном творческой индивидуальностью исследователя, инициирующего (5) отношения диалогичности между изучаемым материалом (то есть минувшим в его духовности) и личностной рефлексией над ним. Теперь история мыслится не как что-то и некогда бывшее, но как то, что и ныне активно переживается и оценивается – с самым широким спектром полемических и положительных коннотаций. Тут мы видим (6) арену встречи *чужого* и *своего*. И то, и другое могут существовать лишь во взаимном окружении. Это – онтологический принцип (7) нового историзма, игнорировать методологическую эффективность которого интеллигенто-ведение не имеет права.

Существенную роль в специальном дискурсе играет (8) филологическая составляющая: ведь мысли и чувства интеллигент выражает в текстах, в слове и образе, которые нам представляются (9) специфическим культурным жестом или (10) семиотическим выражением жизненного поведения. Слово помогает понять как людей, так и время, отпущенное им историей.

2. Историко-культурная идентификация "правых". С. Н. Булгаков.

Не возбраняется изучать интеллигенцию на любом этапе ее становления – активной – созидательной или (и такое в истории было!) разрушительной деятельности. Ныне приветствовались бы и такие труды, где повествовалось бы о периодах гедонистического самоощущения поэтов, музыкантов, философов, вообще интеллектуалов, склонных не только к бурным переживаниям своей эпохи, но и нередко доводящих себя до умственной и физической атрофии. Истощение духа сказывается в культе наслажденческих страстей, ведущих к падению нравов и торжеству ничем не прикрытого цинизма. Такие эпизоды помрачения сознания не в малом числе мы найдем в культурной истории как Европы, так и России. И все это – "интеллигенция"! Поэтому общеизвестны разноречивые суждения, в

частности, о русской интеллигенции. Сословие, тематизированное наукой и публицистикой, иногда предстает в каком-то кривозеркальном отражении той и другой. Поразительно то, что какую бы – положительную или осуждающую – точку зрения мы ни взяли, в каждой из них легко обнаруживается элемент истины, даже если он и носит "внесистемный" характер. Что же касается мотива неприятия самого статуса и психологии интеллигенции, то здесь исследователю есть что читать и анализировать: начиная с демонстративного отречения¹³ и кончая пространными инвективами¹⁴ – таков жанровый спектр относящийся сюда литературной продукции. Не забудем и о немаловажном факте: дискуссии (если здесь применимо это слово) проходят в напряженной атмосфере, их стилистика эмфатична, а участники спора, случается, мало слушают друг друга. В. В. Кожин, внимательно следивший за почти непрерывающейся полемикой, вынужден был признать, что в таких условиях "размышлять о феномене "интеллигенция" с полным беспристрастием крайне трудно"¹⁵.

Нынешнее состояние проблемы, а также ее эмоциональные обертоны – следствие многолетнего идеологизирования мышления и его методологических доминант. Об интеллигенции говорят и пишут кратко или многословно, конкретно или абстрактно, но, как правило, исключительно с прагматических позиций. Часто подчеркивают профессиональную деловитость врачей, музыкантов, актеров, преподавателей, ученых и проч., снабжая это качество восхвалениями, смысл которых ничтожен и неуместен. Весьма редки попытки анализа интеллигенции в контексте той или иной духовной традиции, реально сказавшейся в истории страны. Культурная самоидентификация политических сообществ интеллигенции – наиболее неблагополучная сфера изучения. Нет исследований, где бы реконструировалась мифология партий или хотя бы их лидеров. О других аспектах темы, намеченных во вводной части настоящей статьи, говорить не приходится.

Есть очевидное свидетельство некоего единства стиля в поведении политических партий и их водителей. Это единство мы усматриваем в лихорадочности реакций на те или иные ситуации, которые заставляли многих врасплох; в неумеренной пылкости политических споров; в остром переживании возможных перспектив страны; в чувствах отчаяния и трагической безысходности – тем более мучительных, что они вызывались бессилием перед пропастью, куда Россию увлекал беспощадный "рок событий".

Понимание неизбежности катастрофы – в каком-то пронзительном смысле этого слова – в максимальной степени проявилось в сознании политиков правого толка. Отстаивая свою стратегию, они демонстрировали сильную волю и вместе с тем реалистическое видение собственной судьбы, обрекавшей их на поражение¹⁶. Цитированный нами французский историк М. Блок писал, что народы переживают различные периоды, интеллигенции же знаком такой из них, как "экзамен совести"¹⁷. В течение двух первых десятилетий прошлого века многим довелось пройти трудный, крестный путь. Политики консервативных убеждений "экзамен совести" выдержали достойно, но цена их мужества слишком велика, чтобы быть отмеченной лишь одной фразой или риторической эмблемой. Дело в том, что их воззрения возникли не из наспех у кого-то или откуда-то заимствованных идей, но из источника, бившего из глубин широкозахватывающего пласта русской культуры. Этот пласт мы назвали "органическим"¹⁸. Для целей нашего краткого очерка будет вполне достаточным лишь указать имена мыслителей и ученых, близких тому пониманию, в частности, феномена государства, в соответствии с которым оно есть "организм", отдельные части его "органично" вяжутся между собой, ибо важность и необходимость каждой из них обосновываются принципом телеологичности. Само собой разумеется, что идея целостности базируется на основе эволюционного типа развития, а власть, возглавляемая царем (императором)

есть начальная и завершающая точка живого тела государственности, освященной энергией Божественной благодати.

Эта концепция нашла свое выражение в трудах славянофилов, Н. Н. Страхова, К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского и др. "Организмизм" как метод и общежизненное мировоззрение реализован и в науке истории. В сочинениях С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, В. О. Ключевского, Н. А. Рожкова мы видим широко развернутые принципы новой формы знания. В "Истории государства Российского" Н. М. Карамзина элементы "организмизма" представлены в красочных картинах, в оригинальном стиле национального чувствования и личностного поведения. Всякому специалисту-историку это известно, а вот то, что "правые" духовно идентифицируются с описываемой традицией, – над этим мало кто задумывается.

"Органическое" мировоззрение содержит в себе много констант, но в современной научной ситуации необходимо подчеркнуть тот элемент, о котором в течение десятилетий не говорили и не писали. Этим элементом является изначально *сакрализованное* восприятия мира как тотально живого тела. Позитивистская методология, столь распространенная в исторических исследованиях, здесь посрамляется из-за ее неспособности осознать эту специфику. Для интеллигентского сознания "органического" типа "государство" было не чем-то отвлеченным или сторонним, но – близким, глубоко восчувствованным жизненным и духовным феноменом, тесно связанным с общекультурным контекстом страны. Поэтому в подоснове русских дискурсов, какими бы они ни были: художественными, философскими, историческими, политическими или иными, лежит, как пишет современный исследователь, "глубочайшая эзотерическая философия жизни, одним из важнейших аспектов которой является познание самой России и созерцание ее тайны"¹⁹. В этом цитируемый автор видит оригинальность русской мысли, отмечая, что "такого (в отношении собственной страны) нигде не было"²⁰.

Когда погружаешься в изучение русской истории, которая далека от идиллии, изобилуя примерами социальных потрясений и катастроф, то убеждаешься в том, что как раз в эпохи "взрывов" она, история, вызывает к разуму и чувствам интеллигенции, дабы осмыслить самое себя. Апеллируя к уму и чувствам, история жаждет одухотворенности. В диалог с нею вступают те, коим "несть числа", на высоте задач (мы бы сказали "исторической миссии") оказываются, к сожалению, немногие, видят истину и встают на ее защиту лишь единицы. Прозорливость этих людей поддержана такой мыслью, которая дана как интеллектуальная форма чувственности, морали и неизъяснимой интуиции. Конечно же, она представлена в словах, но – особенных, "вековым волнением волнующих", как назвал их в свое время В. В. Шульгин²¹. Часто она не вмещается в жанр лозунга, афоризма, тогда как крикливые призывы находят лапидарную форму, звучат остро и воспринимаются как максима и императив. И все же историк политической культуры с полным на то основанием может утверждать, что ценностный подход к текстам и их содержанию сильно колеблет и дискредитирует уличную риторику и эмфатику. Он отметит также, что глубинная проблематика эпохи нередко выступает не в форме всем доступных лозунгов, а в таком строе речи, который есть плод "тихих дум" (С. Н. Булгаков). И в этой духовной заводи выделяются такие слова, точнее, имена, которые для каждого человека дороги и милы, бесконечно высоки и даже священны. Для участников знаменитого сборника "Вехи" одним из ключевых имен выступает "Родина". Оно насыщено расширяющимися смыслами, историческими, социальными, нравственными и интимно-личностными переживаниями. Точнее было бы сказать, что имя "Родина" по своему универсальному содержанию и его важности для тех, кто им оперирует, выступает в качестве *мифа*, если под последним понимать лосевское его определение. "Развернутое магическое имя"²² и "в словах данная личностная история"²³ – вот что такое миф.

Фундаментальная значимость "Родины" определяла мышление и действия интеллигентов-политиков, в первую очередь думавших о судьбе, то есть об историко-цивилизационных и культурных перспективах Отечества. Эпоха 900 – 10-х годов была охвачена страстями, часто слепыми и безответственными, так что созидательный диалог между партиями был невозможен²⁴. Бросается в глаза, что спектр идей, связанных у консерваторов с именем "Родина", диктовал не только, как принято говорить, линию, но и стиль социально-политического поведения. Бесспорно, с высоты нашего времени видно, что "почвенники" или "органики", как они себя называли, не обладали опытом искушенных политиков; их реакция на события не всегда носила должествующе динамический и адекватный характер. Однако несомненно, что историк, социолог, психолог, специалист по этике найдут в жизни и литературном наследии консерваторов то экзистенциально-философское, идейное и эмоциональное богатство, которое до сих пор остается актуальным. Более того, как писал В. В. Кожин, оно может служить "в качестве *программы* для современной, сегодняшней борьбы в сфере идеологии и, в конечном счете, политики"²⁵.

Приступая к изучению революционной эпохи, истории Государственной Думы и политических метаний интеллигенции, необходимо воочию представлять картину социального и духовного разорения, в пучину которого была ввергнута Россия. И здесь тем более важной представляется нравственная высота, благородство и мужество широко мыслящих людей, воспринимавших происходящее – из глубин своего внутреннего мира. Этот мир был религиозно и патриотически устойчив и так же тверд перед угрозой разрушительных идеологий. Выразительным примером может служить колоритнейшая фигура С. Н. Булгакова, чье духовное местоположение было между почвенническим "органицизмом" и революционностью, и все это заострялось в сторону созидательной философии жизни и против скептического отношения к ней. "Культурный консерва-

тизм, почвенность, верность преданию, соединяющиеся со способностью к развитию, таково, по словам мыслителя, «...» здание, которое и на самом деле оказалось бы спасительным в истории, если бы было выполнено"²⁶. Эта формульно изложенная программа, кажется, сближала Булгакова "с осколками славянофильства"²⁷, но все же в одном пункте и отторгала от них. С Д. Самариним, И. Мансуровым, М. Новоселовым, В. Кожевниковым он дружил лично, но им не хватало экзистенциально обустроивающей целеустремленности. Подкупало отрицание ими нигилизма, "но они не были его преодолением", а "были, в сущности, духовно сыты, и никуда не порывались души их, никуда не стремились"²⁸. Эта анемичность политического поведения друзей воспринималась Булгаковым с тем большей остротой, что сам он жил с "общим ощущением мира и истории, каким-то внутренним апокалипсисом"²⁹, захватывающим все его существо. Мирозрение философа тех лет – трагично. Более того, он испытывал чувство безысходности и отчаяния, что обостряет его видение как общей ситуации в стране, так и во второй Государственной Думе, куда он был избран от Орловской губернии. Булгаков писал, что из Думы он "вышел таким черным, как никогда не бывал"³⁰. В чем причина столь резкого мирозренческого перелома?

Ответ на этот вопрос – не из трудных. Высокие представления Булгакова об Отечестве, а также одна из его характерологических "доминант" – идея "сыновства"³¹, предрешили остроту его взгляда на людей – участников заседания ответственного государственного органа. Он отмечает "всю безнадежность, нелепость, невежественность, никчемность этого собрания, в своем убожестве даже не замечавшего этой своей абсолютной непригодности ни для какого дела, утопавшего в бесконечной болтовне. «...» Я, заключает он, не знавал в мире места с более нездоровой атмосферой, нежели зал и кулуары Госуд. думы..."³² Но где был выход из этого абсурдного тупика? И был ли искомый выход таким шагом, который ут-

верждал бы высшее человеческое чувство – любовь к Отчизне? Политическая биография Булгакова дает ясные ответы на эти вопросы.

Убежденность мыслителя в должествующей *человечности* политики побуждало его к неприятию «"классовой" разнузданности» сословий³³. Индивидуальная особенность булгаковского отношения к социальной хтонике окрашена благой энергетикой христианина, исходящего из мысли о естественной обязательности превозмогания и победы над слепыми и разрушительными инстинктами – во имя единения народа. Он колебимо отстаивает ценностные критерии поведения на общественной арене, провозглашая тезис, и ныне звучащий, если не экстравагантно, то непривычно: "Есть любовь и в политике"³⁴. Конечно же, это чувство понимается им не абстрактно, но во всей его жизненной актуальности и конкретности, то есть *строительно*, что связано с исторически создававшимися устоями общества. Речь идет не о чем ином, как о государственности, мыслимой в монархическом ключе. Заметим, что эволюция политической мысли Булгакова к этому результату была обусловлена теми высокими представлениями об Отчизне и долге, о которых мы писали выше. Власть монарха мыслится философом как "высшая природа власти, не во имя свое, но во имя Божие"³⁵. Булгаков указывает, что "царь несет свою власть, как крест Христов, и <...> повиновение ему тоже может быть крестом Христовым и во имя Его"³⁶ Надо сказать, что дело тут не в богословствовании о власти, а в ее моральных принципах, могущих создать скрепы, в том числе и духовные, для разнообразных творческих сил нации. В научной литературе, начиная со знаменитого трактата Данте³⁷, о монархии написано множество трудов, где провозглашается телеологическая идея власти, ее консолидирующая и даже спасительная роль в обществе. Опыт истории показывает, насколько благотворной является подобная философия. Что же касается русской мысли, именно "органического" направления, то она углубленно разрабатывала проблемы власти, лично-

сти и исторической призванности монарха. Выдающимися трудами, посвященными данной теме, по праву считаются научные произведения И. А. Ильина, автора книги "О монархии и республике", а также такого текста, как "Понятия монархии и республики", которым мы воспользуемся для нашей статьи.

Личность монарха осмысливается Ильиным в системе многообразных измерений, среди которых им особо выделяются аспекты внутреннего *делания*, совершенствования себя и религиозности. Последнее из названных качеств внушает подданным "уверенность <...> в том, что монарх сам ставит себя перед лицом Божие и сам измеряет свои дела и решения критериями божественного откровения"³⁸. Фигура или, будет лучше, если мы скажем: феномен властителя, оценивается исследователем с позиций уже упоминавшегося долженствования, как это и заявлено еще в философии Платона с его идеальными эйдосами, а также Аристотелем, который в обоснованиях идеи правителя использовал понятие энтелехии³⁹. Ильин далее пишет: "Горе царю, если он <...> сам не культивирует в себе эту священную глубину – духа, любви, благой воли, справедливости, мудрости, бескорыстия, правосознания, патриотизма"⁴⁰. О последнем говорят сейчас много, особенно в публицистике, допуская при этом легковесность суждений. У Ильина мы находим такие соображения, знание которых поможет ввести "патриотизм" в систему научного рассмотрения.

Не случайно, что данное понятие поставлено мыслителем в ряд высших человеческих ценностей. Ильин был на высоте задач своего времени, подхватывая богатую традицию европейской философии, обсуждавшей такие феномены, как национальное чувство, национальная культура и т. п.⁴¹ Он не уходил в абстракцию, продвигаясь в русле собственного мыслительного стиля, принципиально ориентированного на "органичность" рассматриваемых явлений, анализ которых проводился с позиций онтологического единства их качеств. Размышляя о патриотизме,

Ильин осмысливает его в системе таких категорий, как *инстинкт* и *дух*. Он пишет, что тот и другой "призваны к взаимному приятию: так, чтобы *инстинкт* получил *правоту и форму духовности*, а *дух* получил *творческую силу инстинктивности*"⁴².

С точки зрения методов, принятых в современной гуманитарной науке, эту дуальность можно рассматривать как диалогическую. Собственно говоря, так и поступает Ильин, когда пишет, что "патриотизм есть любовь <...> И если эта любовь не "пустое слово" и не "поза", то она есть *инстинктивная* прилепленность к родному. Поэтому патриотизм *всегда инстинктивен*. Но он *не всегда духовен*. И то, что должно быть достигнуто, есть *взаимное проникновение инстинкта и духа в обращении их к родине*"⁴³. В цитируемом трактате мыслитель подробно рассматривает духовные аспекты проблемы, предваряя их анализ такой содержательной максимой: "Инстинктивная страсть должна креститься огнем духа; духовное избрание, предпочтение и самоопределение должно получить всю силу инстинктивной страстности. Это будет любовь зрячая и оформляющая; это будет духовность таинственно-целесообразная, страстно-мудрая: это будет истинный патриотизм"⁴⁴.

Как видим, любовь к Родине у Ильина интимно-диалогична. Это чувство просвечено стихией смыслового света и расцвечено эмоциональностью высокой интенсивности. Столь же *светла* любовь к Отчизне, свойственная Булгакову. Эта общность воззрений и чувств мыслителей объясняется тем, что и "Родина", и "монарх" воспринимались ими не обмирщенно, и не эмпирически-расчетливо. Тут мы имеем дело с совершенно иными принципами – и восприятия, и переживания, и осмысления: "Родина" и "монарх" понимаются эйдетически или энтелехийно, то есть как отвечающие самой строгой шкале ценностей, что и является гарантией величия представлений о стране, а также о человечности и разумности людей, ею долженствующих управлять ("Есть любовь и в политике"). Та-

ким образом, идеи Булгакова во многом совпадают с государственно-монархической философией Ильина.

Морально-политическая концепция автора "Тихих дум", если смотреть на нее с позиций истории как *свершившегося*, выглядит утопичной. Но это вовсе не указывает на ее неистинность. Мысль об отсутствии в истории сослагательного наклонения нам представляется известной данью фаталистической философии развития. В России это "если бы..." не осуществилось, а вот Англия и Испания, например, не утратили своих монархов. Этим странам удалось совладать с тем, что М. Шелер называл "преступными формами выражения классового ресинтезанта"⁴⁵. России оказалось не по силам справиться с этой задачей. Если бы был услышан голос таких мыслителей и политических деятелей, как Булгаков то, возможно, не случилось бы катастрофы 1917 года: ведь христианство и есть та преграда, которая стоит на пути самоотравления душ чувством ненависти, злобы и т. п.

В этих кратких заметках нам хотелось не столько воссоздать мировоззрение Булгакова с исчерпывающей полнотой, что, понятно, невозможно сделать в одной статье, сколько показать трагическое несовпадение личностного мифа с направленностью истории, уже в который раз забывающей о принципе толерантности и, в конце концов, приведшей Россию к духовному опустошению.

Завершая этот раздел статьи, подчеркнем, что пример с Булгаковым интересен самой возможностью идентифицировать стиль политических реакций и поведения интеллигента в целом, связывая его, то есть стиль, с определенной культурной традицией, которая, конечно же, шире, чем какая-либо из известных политических систем. Избранный нами метод исследования, исходящий из того, что интеллигентоведение по своей природе – наука историческая, а ее предметом является становление и развитие человеческого духа, – эта методологическая стратегия оказывается

вполне эффективной в силу того, что позволяет реконструировать культурный миф того или иного политического деятеля, равно как и соотнести этот миф с конкретной исторической ситуацией. В ней-то, в ситуации, и раскрывается, что человек считает "своим", ему близким и приемлемым, а что – чужим и отторгаемым. Внутренний мир интеллигента настолько богат, насколько глубок и разносторонен его индивидуальный миф, укоренный в жизни и в определенном пласте культуры. Однако методологическое исследование темы показывает, как подчас трудно и даже горестно складывается судьба благодатно и широко мыслящей личности (и не только ее, но партии, к которой она принадлежит, а иногда лишь ей сочувствует, не входя в нее официально), расходящейся с господствующим *языком эпохи*. Начало XX века в русской политической истории – это время *разъединенных, монологических* и потому *внутренне герметичных языков*. Недаром такой мыслитель, как В. В. Розанов, остро чувствовавший пульс времени, начал свой литературный путь обширным трактатом "О понимании". Книга осталась невостребованной. Современный исследователь пишет о фундаментальной актуальности проблемы и высоко оценивает сочинение писателя⁴⁶.

3. *"Правые" в 1915 – феврале 1917 гг. (миф и политическая реальность)*⁴⁷

Фигура С. Н. Булгакова, конечно же, возвышается над множеством заметных и активных деятелей "органического" направления в политической жизни страны начала XX века. Его мировоззрение не только жизненно реалистично, но и насыщено ярко проявившим себя метафизическим элементом. И тут он вряд ли сопоставим с каким-либо участником событий той эпохи. Исследовательский интерес к личности Булгакова для политической истории заключается в том, что сам тип его реакции на происходящее в России был своеобразным предвосхищением самочувст-

вия "государственников" консервативной ориентации в более позднюю пору. Задолго до 1917 года мыслитель сумел выразить свое отношение к грядущей катастрофе. У него было стойкое *неприятие* не только "думцев", но и той конфигурации исторических событий, которая задавалась этими людьми – персонажами зловещей игры.

Нет ничего вреднее невежества, утопизм – одна из его форм. Утопия, буквально – *нигдеинность*, может быть, хороша и даже необходима в качестве литературно-художественного жанра. Она допустима и в мечтаниях проективной философии. Однако в области политики утопия граничит с безумием, а ее последствия часто превосходят самые inferнальные ожидания. Консерваторов можно упрекать в чем угодно, но только не в забегании вперед, как это было у П. Н. Милюкова⁴⁸ с его по-школярски трактуемой идеей парламентаризма, или у В. В. Шульгина⁴⁹, стремившегося к "здоровому" национализму с невольным редуцированием других актуальных проблем развития России. О "левых" говорить не приходится, ибо их методы выпадают из рамок культурно-ориентированного поведения. Это – та самая хтоника деструктивной мифологии, о которой мы писали выше.

"Правые" терпят поражение – неизбежное, роковое. Рассмотрение причин этой драмы – прерогатива историков. Нас же занимает "органический" или "почвеннический" миф и его символика, то есть ключевые имена, их смысловое и эмоциональное содержание, взятое в гуманитарно-ценностной специфике. Даже не приступая к исследованию проблемы, можно сказать, что семантика словесных символов насыщена мотивами трагизма, потому что речь идет о предчувствии *конца, заката, исчезновения, гибели* тысячелетней формы жизни нации и ее культуры. Это хорошо видно на примере символов, избранных нами для исследования, именно, "Родина" и "Царь (монарх)".

а) "*Родина*". В политизированных текстах трудно было бы ожидать использования содержательно важного имени в повышенно-эмоциональном ключе. Но в эпоху социальных катаклизмов такие имена перерастают в символы, заряженные общежизненными и интимно-личностными смыслами. Как правило, они восходят к культурно значимому и всегда актуальному мифу. В текстах "почвенников" мы имеем именно такой миф. Это – образ Святой Руси, находящейся под Божественным покровительством. К нему-то, этому образу, и апеллируют деятели монархических союзов, на него-то они и надеются: ведь "Божия десница не раз спасала Русь святу от врагов. Спасет она ее и теперь" (с.173). Есть и синоним описываемого имени – "матушка Россия" (с.209). Все это – архетипные понятия и образы, составляющие "археологический" слой русской культуры, слой, ментально и религиозно питательный. Его энергии не только затрагивают патриотические струны национального духа, но и дают пищу для поэзии, философии и антропологии⁵⁰.

На этом фоне, который мы назвали бы фоном надежд и чаяний, особенно ярко выделяются отмеченные нами эсхатологические мотивы. Россия погружается в хаос, в стране господствует безумие, люди не отдают себе отчета в том, что они творят, поддаваясь разрушительным страстям. Характерна трагическая патетика Н. Д. Тальберга⁵¹ в его письме от 8 декабря 1916 года: "Совершенно определенно идет подготовка к революции, и хуже всего то, что в этом подлом деле принимают участие многие из тех, которые с ужасом будут взирать потом на плоды своих рук. В стране повальное сумасшествие, и каждый старается в грустной области побить рекорд. Вы не можете себе даже представить, что здесь открыто говорится и откуда идут источники всяких мерзостей. Библейский Хам чувствовал бы себя в настоящее время героем, так как имел бы неисчислимое количество поклонников, старающихся пересилить друг друга в измывательствах над святое святых нашего исторического бытия.

Нас, правых, травят, но мало кто понимает, что мы переживаем в душе" (с. 209-210).

В анализируемых нами материалах представлены и примеры *самоотреченного* служения интересам Отечества. Личное благополучие и карьера отодвигаются на периферию поведенческого стиля политического деятеля, хорошо понимающего, что и от него многое зависит и многое определяется в судьбе страны. Показателен текст письма И. И. Дудниченко⁵², который мы хотели бы предварить неоднократно заявлявшейся мыслью академика А. И. Соболевского⁵³, писавшего, в частности, 28 августа 1915 года следующее: "Изумительно много измены и готовности предать Россию кому угодно, совсем как в 1611-1612 гг." (с. 166). Теперь – цитаты из вышеупомянутого текста. Автор указывает, что "в тылу <...> только разговаривают, но вступить в активную борьбу боятся, ибо личная жизнь ставится на первое место. Я задыхался в той атмосфере и ушел на борьбу. В результате, видимый, якобы, проигрыш дела, а я считаю, что оно выиграно, так как те, коим все знать и ведать надлежит об исторических устоях Св. Руси, глубоко призадумались над свершающимися событиями" (с.210).

История показала, что многие из тех, кто видел в лице России только зло и, ослепленный этой лживой идеей, не берег ее, позднее, в эмиграции признаются, что поняли, какую Россию они потеряли. Не будем приводить цитаты, потому что эта мысль была лейтмотивом в сознании людей, оказавшихся вне Родины. Менее чем за год до переворота 1917-го Дудниченко рисует апокалиптическую картину происходящего. "Война, – пишет он, – раскрыла все гнойники, обнажила всю людскую подлость. Будь подлецом, предателем, развратником, и ты получишь все блага жизни; хочешь быть идеалистом и стоять выше других по своим убеждениям, целям и стремлениям, – уйди от нас, справляющих пир во время чумы и тризну по Святой Руси <...> Нет, так жить нельзя. Надо бороться, ибо на-

блюдаются невиданные в анналах нашей истории дикая, бешеная свистопляска, вакханалия, разврат и грабеж" (с.211).

Читатель, возможно, спросит: зачем автор исследования, которое, по необходимости, должно быть строго дискурсивным, приводит примеры высказываний, где в изобилии представлены слова и выражения, насыщенные эмоциями, предельно субъективными, может быть, даже болезненными в своей "переживательной" интенсивности? Разве это является главным в истории, а не ее общая направленность, как бы отчужденная от людей и их "лирических" излияний? На все подобные вопросы мы ответим отрицательно – по нескольким причинам. Во-первых, мы изучаем *духовную* историю России, и нас никто не убедил в том, что жизнь человеческого духа лишена эмоциональной, вообще, сенсорной основы. Во-вторых, в так называемые "последние времена" эта основа обнажается как никогда явственно. Перелистайте пламенеющую страстью "Анналы" Тацита, чтобы понять это. Вспомните Иоанна Богослова с его книгой о "конце времен", и вам станет ясно, почему для нас столь дороги пространные фрагменты живой речи, находимой в текстах вполне деловой и даже официальной переписки. Скажем, наконец, и о том, что мы изучаем "органический" миф в его словесной выраженности. При этом необходимо помнить, что миф, как мы указывали⁵⁴, не только историчен, всеобщ и интимен, но и – экстатичен. Это значит, что его содержание дано в мыслимой предельности и эмоциональном максимализме. Тут нет "логики середины". Пальма первенства здесь принадлежит принципу "конечных величин" с их семантической, эмоциональной и ценностной определенностью. Эта логика возникает в атмосфере вчувствования в событийный мир; весьма часто она совпадает с истиной его развития, являясь почвой для сбывающихся пророчеств, каких у консерваторов больше, чем у каких-либо иных политиков. Но абсолютизм мифологического мышления приводит "органиков" к неспособности осмыслить те или иные ситуации

в модусе *вероятия*, в некоем гипотетическом плане, в срезе возможностных и множественных подходов к ним. Мы полагаем, что именно в этом причина стойкого и категорически отрицательного отношения монархистов к самому институту Государственной Думы, этой, по их выражению, "дрянной болтушки" (с. 200). Следствием экстастики были и такие политические жесты, например, В. М. Пуришкевича⁵⁵, как отход его от партии в 1915, а также выход из фракции правых в Думе в конце 1916 (с. 151). Ментальная свернутость вовнутрь, психологическая напряженность нравственных, исторических и политических переживаний – так можно было бы в самых общих чертах охарактеризовать духовное состояние интеллигента консервативного мировоззрения. Бросается в глаза как интеллектуально-эмоциональная глубина последнего, так и его герметичность, непроницаемость для какого-либо релятивизма, при наличии которого только и возможно строить диалог с *инакомыслящими*. Такая монологичность сознания ведет к позиции, дистанцированной, в частности, от интеллигенции иного, нежели "органическое", мировоззрения. *Другие* часто воспринимаются монархистами с откровенной враждебностью, именно, как *враги*, люди, не укорененные в русской жизни, не имеющие чувства любви к Родине, не обладающие исторической памятью. Сегодня для исследователя не существует какой-либо причины, чтобы опасаться за честно излагаемую личную точку зрения. Мы исходим из того (повторимся), что у консерваторов была своя правда, во многом актуальная и ныне. Что же касается их суждений об определенной части интеллигенции, то здесь мы находим точные характеристики, от которых интеллектуальное сословие не избавилось и в наше дни. Однако, в целом, мы имеем дело со стилистикой мифологии, достойной называться максималистской. *Свое* и *чужое* резко дифференцируются; второе обретает мету "беспочвенной интеллигенции" (с. 214), в ее составе – "изменники и предатели смутного времени" (с. 221), "воспитанные на ложной науке" (с.191). Следует боять-

ся того, как бы "буржуазия и интеллигенция не переиначали поведение государя и не захватили в свои руки власть" (с. 192 – 193). Признаки инфернальности в структуре монархической мифологии дают о себе знать в открытой форме.

В текстах писем встречается арготическая лексика, что, впрочем, свойственно не только эпистолярному стилю того времени, но и ораторским выступлениям и даже философским сочинениям, принадлежащим перу людей дворянского происхождения и с университетским образованием. Как известно, лексика такого рода в изобилии представлена в произведениях В. И. Ленина. Монархисты выглядят не лучше и не хуже других. Так, интеллигент Н. П. Тихменев⁵⁶ пишет об интеллигентах же – его политических соперниках, отмечая, что это – "крупные мерзавцы, негодяи и чудовища <...>, мелкие паскудники и жулики, как наше кадетье" (с. 200). Это – "трупные черви, [которые] губят все наше дело" (с. 201); они хотят "держать нас в ежовых рукавицах" (там же); есть опасность, что они "скрутят нас в бараний рог" (там же); это – "внутренние немцы" (с. 202) и это, наконец, "люди, которые не имеют ни гражданского мужества, ни смелости, ни политического чутья"; они "спят и не противодействуют гибели родины" (с.203).

Язык и стиль политизированной интеллигенции, жанровые и иные особенности межпартийной полемики – тема, вовсе не тронутая исследователями, несмотря на ее несомненную значимость. Но здесь нам хотелось бы отдавать себе отчет в том, как соотносится стилистика партийного дискурса и эпистолярной речи с общей мифологией интеллигентских сообществ, о которых мы говорим или просто упоминаем в настоящей статье. Будем кратки и попытаемся осмыслить функцию "ругательных" определений, встречающихся в Переписке.

Мы сказали, что миф – экстатичен. Монархический миф подчиняется этой же закономерности: он мыслит события и людей в системе пре-

дельных смыслов и чувств. Аспект государственности естественно входит в проблемный круг, связанный с судьбой Родины, России, Империи, то есть таких концептов, содержательнее и глубже которых нет ничего. Нет, есть – лишь Бог. А Царь отождествляется с управляемой им страной. Время смуты и брожения призывает к борьбе с врагами, к их нравственному осуждению, к преданию их позору и суду. Иными словами, речь идет о *нейтрализации* людей-чудовищ. Миф – магичен, и в этой борьбе он мобилизует свои ресурсы для совладания с темной стихией. Одним из этих ресурсов является *заклятье*⁵⁷. Оберегая то, что всего ближе, дороже, роднее, милее, *кровнее* и любимее всего другого, – от того, что может навредить этому осердеченному образу, миф стремится к словесному, стилистическому снижению враждебного ему предмета. Он инсценирует его поругание, наделение негативными речевыми знаками. Как, вероятно, понял читатель, мы говорим о смысловых и эмоциональных отношениях между "Родиной" и тем, что, по мнению "почвенников", противостоит ей. Предполагаемое "зло" тут подвергается прямому заговариванию, заколдовыванию. Ментальный мир русской интеллигенции включает в себя, как мы писали выше, не только абстрактно-логические понятия, но и чисто сенсуальные элементы. Об этом же пишет академик Д. С. Лихачев. В его известной статье читаем: "«...» по особенностям русского исторического прошлого мы, русские люди, часто предпочитаем эмоциональные концепты логическим определениям"⁵⁸. В мифе мысль и чувство как раз и соединены в целостном единстве, а то, что миф магичен, мы хорошо знаем из обширной научной литературы и, в частности, из уже упоминавшегося нами исследования А. Ф. Лосева "Диалектика мифа". Вот этой магией и пользуются "почвенники" в своих патетических текстах, может быть, потому и представляющих интерес не только для историков, но и для филологов и философов. Специалисты, изучающие специфику человеческо-

го духа, проявляющуюся в области политики, также не пройдут мимо отмеченных нами особенностей литературного наследия "органиков".

Экстатика и речевая патетика, сопутствующая теме Родины, должны быть уяснены в связи с общим идейным, точнее, идеологическим контекстом того времени. Эта, мы бы сказали, эмоциональная вознесенность проблемы воспринимается нами как большая ценность, ибо "правые" были, пожалуй, единственной партией, осознававшей разрушительные последствия абстрактного, вненационального "гуманизма". Как пишет современный исследователь, "еще с разгара XIX века, а в начале XX тем более – русская интеллигенция ощущала себя уже на высокой ступени всеземности, всечеловечности, космополитичности или интернационалистичности (что тогда и не различалось). Она уже тогда во многом и почти сплошь отреклась от русского национального. (С трибуны Государственной Думы упражнялись в шутке: "патриот – Искарот")⁵⁹.

"Почвеннический" миф – не слеп, в нем, как мы указывали, много исторического реализма, позволившего не только предвидеть ход событий, но и предсказать их итог, то есть большевистский переворот. Примеров на этот счет здесь более чем достаточно. Так, 2 октября 1916 года К. Н. Пасхалов⁶⁰ писал Н. А. Маклакову⁶¹: "Положение России не только тревожно, но и грозно, может быть, гораздо грознее, чем было в 1905 г. <...> Настанет и даже настает момент, когда Верховной власти не на кого будет больше опереться, как на наши, ныне пренебрегаемые группы русских людей, сохранивших еще любовь и преданность своему происхождению и историческим заветам" (с. 199). Как видим, это – точный прогноз того, что несколько позднее и произошло. Монархисты оказались дальновиднее, нежели иные партии и объединения. Поэтому они не могли поддаваться обольщению тем, что, например, для многих интеллигентов, в том числе и А. Блока, было "музыкой" революции. Воспользуемся выражением П. Н. Милюкова и скажем, что политический опыт "почвенников"

«был достаточен, чтобы снять с "революции", как таковой, ее ореол и разрушить <...> ее мистику»⁶².

Политические проекты "органиков" включали в себя и программы, отличающиеся как широтой охвата актуальной проблематики, так и дельностью подходов к ее решению. Мы не будем входить в конкретное обсуждение этой темы, отметим лишь ее адекватность реальному положению в России, чего, к сожалению, не наблюдалось в программах других партий. Сошлемся на один документ, составленный Н. Н. Тихановичем-Савицким⁶³. Речь идет об "Основных положениях народных монархических союзов (к населению)" (с. 191 – 196). Этот текст интересно читать и сейчас: здесь предлагается четкая перспектива развития страны – с учетом ее многонационального состава, своеобразия экономики и т. п. Показательно и то, что программа начата тезисом о самодержавном царе, а завершается положением о социальных гарантиях для крестьян, рабочих, мещан, служащих и других слоев населения. В сопроводительном письме автор этого документа указывает, что если бы удалось провести его в жизнь, то "мы могли бы умереть спокойно, зная, что избавили Россию от конституционной петли и поставили ее на самобытный путь" (с.191).

Как только читатель доходит до подобных признаний монархистов, он начинает строить их образ в духе некоего Угрюм-Бурчеева. На самом же деле эта схематика безосновательна. Не имея места для развития данного мотива, ограничимся весьма значимой цитатой из работы современного исследователя, анализирующего программу партии П. Н. Милюкова. С. Г. Кара-Мурза пишет: "Кратко отмечу одну сторону конституционализма кадетов, которая выяснилась сразу после обнародования их программы – его несовместимость со сложившимся в России типом сосуществования народов. Беря за идеал государственного и общественного устройства Запад, либералы заведомо принимали перспективу разрушения России как многонациональной евразийской державы. Таким образом, в

случае их успеха (как это и случилось в феврале 1917) их программа обрекала Россию на катастрофу, за которой должен был последовать неминуемый откат, реставрация, уничтожавшая тогдашних носителей западного либерализма"⁶⁴. Следовательно, становится несомненным, что "почвенники" выступали, если брать их программы в гуманитарном срезе, за сбережение "культурного ядра" России и сохранение устойчивых структур, как называет этот процесс цитированный автор в другом своем сочинении⁶⁵. Он замечает, что "в традиционном обществе в это ядро входит множество норм, выраженных на языке традиций, передаваемых от поколения к поколению, а не через формальное образование и воспитание индивидуумов". Уничтожение подобных норм – "наиболее разрушительная разновидность революции"⁶⁶. Можно сказать, что "культурное ядро" есть комплекс архетипических представлений и реакций, свойственных народу и привитых длительной традицией социальной и общественной жизни. В Программе Н. Н. Тихановича-Савицкого, в частности, это выражено так: "18) Все население должно быть грамотно и воспитано в уважении к труду, в благочестии, благонравии, уважении к старшим, в почтении воинского звания и безграничной любви к царю и отечеству" (с.195).

Социальные, культурные и собственно экзистенциальные проекты обустройства России, выдвинутые "органической" мыслью, ждут своих исследователей. Наша работа посвящена историко-ментальной характеристике интеллигенции изучаемого направления. "Родина" – одно из семантически густотных имен, развернутых "почвенниками" в самых разнообразных планах, отвечавшим запросам того, теперь уже далекого, времени. Неотрывно от этого имени и другое – "Царь".

б) "*Царь*" ("*Государь*"). Заметим, что ни то, ни другое имя в современной научной литературе не осмыслено с позиций науки, которую мы называем историей человеческого духа. Одной из вероятных причин это-

го можно считать то обстоятельство, что язык культурологии, эвристически весьма эффективный, к собственно историческому дискурсу прививается с большим трудом, что следует отнести к числу своеобразных парадоксов: ведь классическая наука не пренебрегала ресурсами указанного семиозиса, что и приносило несомненно ценные исследовательские результаты. На этом фоне тем более важно указать работу филолога широкого профиля Б. А. Успенского⁶⁷, который при освещении личности Петра I анализирует его образ и поведение "на языке социума"⁶⁸, акцентируя моменты культурологического плана. Ученый оговаривает, что подобная интерпретация "не является единственно возможной"⁶⁹. Как подтверждение справедливости этого приведем книгу А. Дж. Тойнби "Постижение истории"⁷⁰, где мы видим эффективность метода, гарантирующего возможность произвести культурологически и жизненно актуальный анализ эпох, естественно связывая их с современностью и, ничуть не упрощая, показать единство мирового духовного процесса. Применительно к нашей теме, методологически работоспособными оказываются такие термины, как "архаизм" и "футуризм", выражающие не только содержание противоположных явлений культуры, но и помогающие видеть в жизненном контексте начала XX века мозаичную смешанность элементов того и другого. Политические доктрины не составляют здесь исключения.

Конечно же, Тойнби прав, когда утверждает, что "этос футуризма внутренне тотален"⁷¹, то есть футуризм стремится к тому, чтобы выстроить поведение человека в стиле некой однородности, гомогенности – с как можно большим охватом сфер существования. Мера удачи определяется здесь степенью адекватности этих устремлений самому строю духовной и социальной жизни эпохи. В политике мы видим, как доктрины, выдвинутые, например, кадетами, кажется, поначалу (вспомним их дебютный опыт) совпадают с "силовыми линиями" развития России, а затем расходятся с ними – именно из-за того, что слишком футуристичны и

пренебрежительны к тому, наличием чего некогда и привлекали симпатии к себе. А что же происходит с "архаистами" к которым можно отнести "почвенников"? Их положение в общей ситуации времени не поддается однозначному толкованию. Время для них оказалось зловещим недугом. На это обстоятельство налагалось то, что можно было бы назвать сущностным ядром консерватизма, о чем Тойнби пишет так: "Фактически архаист всегда занят одним и тем же – примирением Прошлого и Настоящего. В противоречивых претензиях этих двух начал кроется слабость архаизма как образа жизни. Архаист всегда перед дилеммой: либо он уходит в Прошлое, оставляя Настоящее, но тогда броня его убежища не выдерживает натиска Жизни, либо пытается возродить Прошлое через Настоящее, но тогда он скатывается на грань вандализма, ибо в Настоящем черты Прошлого искажены до неузнаваемости"⁷². Осознается ли эта противоречивая "метафизика" самим архаистом или присутствует в нем на интуитивном уровне – в любом случае она дает о себе знать, осложняя внутренний мир личности, и без того подавленной неустойчивостью, зыбкостью своего социально-политического положения. Архаист лихорадочно ищет выхода из круга обреченности, он – в отчаянии и уповает на талантливость и героичность возможного *вождя*. Характерно, что и сам язык его выражает нечто архетипное, в частности, *форму* мысли, напоминающую *плач*, как он запечатлен в фольклоре. Так, И. И. Дудниченко пишет одному из своих коллег (4 ноября 1915): "Да неужели конец России? Да неужели нет той силы, которая остановила бы родину от растерзания? Где же наши, где наша мощь? Да разве нет пороха в пороховницах? Да разве иссякла монархическая сила? Вы, вы должны вдохнуть в нас всех былую мощь и силу" (с.170).

Не менее значима и литературная аналогия, используемая автором письма при обрисовке политической ситуации, в которой оказались монархические союзы и объединения. Дудниченко продолжает: "Итак, нас

свели к нулю, к ничтожеству. Вспомните, как Остап, не выдержав мучений, воскликнул: "Батько, где же ты? Слышишь ли меня?" И в ответ раздалось: "Слышу!" <...> И вы, Тарас монархистов, должны услышать наш голос" (там же)⁷³.

В контексте внутренних психологических противоречий понятна апелляция "почвенников" к основополагающему концепту их мифа в целом. "Царь" – имя, которое, может быть, в большей мере, нежели "Родина", обладает для них энергией *телеологичности*. Именно этот символ несет в себе идею порядка, смысла и целостности существования как отдельной личности в ее связности с *телом* народа, так и всего государства. В имени "Царь" воплощается та сакральная функция, которую мы назвали бы *хранительной*. Семантика этого прилагательного очень близка к смыслу *оберега* (от "беречь")⁷⁴. Нам необходимо привыкать и к употреблению в этом значении синонима *охранительный*, освободив его от отрицательных коннотаций, какие ему были приданы идеологизированной наукой и злобной публицистикой. Об охранительной миссии Царя напоминают ему же многие "почвенники". Так, например, в послании от 26 марта 1916 года Н. Н. Тиханович-Савицкий пишет: "Государь, на Тебя, как на Помазанника, принявшего от Господа венец Царский, а с ним и тяжелую долю Царского служения, возложен великий долг беречь Россию и русский народ, и не можешь Ты, даже временно, снять с себя бремя Самодержавия, отдать судьбы их в руки безответственного думского большинства, к тому же состоящего из беспочвенной, безверной недалекой интеллигенции" (с.185).

Язык этого письма с его ключевыми именами прямо выявляет идейную триаду, из которой исходили "правые" организации: православие, самодержавие и народность. И здесь мы хотели бы сформулировать несколько замечаний, относящихся к проблеме культурной идентификации этого явления.

Монолитность указанной триады – это выражение единства и телеологичности принципов жизни и культуры России на протяжении многих веков истории. Архетипность этой формулы переживалась, и всегда – в актуально-нравственном, поведенческом и интеллектуальном ключе не только монархически настроенными интеллигентами, но и людьми "низших" сословий. В одном из писем, принадлежащих перу рабочего Я. Д. Скворцова ⁷⁵ и направленных В. М. Пуришкевичу, читаем: "Спешу выразить вам великую благодарность за вашу услугу нашему Царю-Батюшке и матушке России и всему русскому народу" (с.209). Стоит уделить внимание приведенному тексту.

"Царь" и "Россия" здесь представлены в системе традиционной, в частности, патриархальной культуры, о чем говорят вторые имена этих символов, нераздельно связанных с "народом". Данные словесные знаки указывают на одну из своеобразных, исторически оригинальных черт русского монархизма. Касаясь данной проблемы, Н. А. Бердяев писал, что в России "идея царя не государственная, а народная <...> Власть принадлежит народу, но народ отказывается от власти и возлагает полноту власти на царя <...> Никто не имеет права властвовать, но есть один человек, который обязан нести тяжелое бремя власти. Юридических гарантий не нужно, они увлекли бы народ в атмосферу властвования, в политику, всегда злую. Народу нужна лишь свобода духа, свобода думы, совести, слова"⁷⁶.

Если помнить сталинистскую эпоху, чрезмерно длительную для ментальных основ национальной культуры и потому опасную для ее существования, то необходимо вернуться к подлинно историческому осмыслению монархии. Ведь те, кто в начале XX столетия знали историю страны и переживали ее судьбу, понимая, что речь идет о цивилизации, культурная (духовная) топика которой – порождение не каких-то десятилетий, а – десятилетий веков. Это значит, что люди, о которых мы пишем,

знали о родовом лоне любимой ими Родины. Вот что стояло за именем Царя, и вот что определяло жизнь и мировоззрение, а также строй чувств наших персонажей. Название этой всегда живой традиции – византийство. Мы не имеем возможности развивать этот аспект темы с должной обстоятельностью, напомним лишь соображения гениального "почвенника" XIX столетия К. Н. Леонтьева. Мыслитель, чьи сочинения несли в себе профетическое содержание, опирался на глубокое знание исторической традиции и потому писал: «Я хочу сказать, что царизм наш, столь для нас плодотворный и спасительный, окреп под влиянием православия, под влиянием византийских идей, византийской культуры.

Византийские идеи и чувства сплестили в одно тело полудикуую Русь. Византизм дал нам силу перенести татарский погром и долгое данничество. Византийский образ Спаса осенял на великокняжеском знамени верующие войска Дмитрия <...>

Византизм дал нам всю силу нашу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и Турцией. Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы <...>»⁷⁷. Между тем, справедливым укором в адрес интеллигенции может быть суждение о том, что она мало ценила византизм как духовный фермент национальной культуры – иногда вообще его игнорируя, а в некоторых случаях сужая и искажая его *имперскую* масштабность. Об этом очень остро и со знанием дела писал Г. П. Федотов, отмечавший, что "после Пушкина, рассорившись с царями, русская интеллигенция потеряла вкус к имперским проблемам, к национальным и международным проблемам вообще <...> С точки зрения гуманитарной и либеральной, осуждалась Империя, все Империи <...> Более того, XIX век для большинства интеллигенции означал сужение национального сознания до пределов Велкороссии"⁷⁸. Исследователь, изучающий интеллигенцию в ее политической деятельности и вникающий в гуманитарный смысл соответствующей

щих доктрин, вынужден согласиться с этим высказыванием Федотова. До сих пор историки культуры недостаточно осознают цивилизующую роль русской Империи с ее Православием, давшим входящим в нее народам "много мира и света, дружбы и любви", о чем проникновенно говорил И. Л. Солоневич, считавший это историческое свершение *чудом*⁷⁹. Специально отметим, что ни одной из политических партий проблема Царя и Империи не отрефлектирована с таким светлым чувством, с такой душевной болью и ответственностью, как это сделано интеллигенцией "почвеннической" ориентации. И пусть она, эта интеллигенция, попала в исторический промежуток, в котором ей суждено было выглядеть архаично, все же люди из ее среды в большей мере, чем кто-либо, заслуживают имени "соборных или симфонических субъектов", как писал Л. П. Карсавин⁸⁰. Не будем конкретизировать это суждение мыслителя, сошлемся лишь на современного исследователя, который указывает, что "Византия и византизм взрастили две вековые ценности русского народа – самодержавие и Православную церковь"⁸¹. Он считает также необходимым подчеркнуть следующее: "Византия в лучшем своем проявлении – это "симфония". Единое по своим традициям и устоям государство и одновременно устойчивое христианское сообщество – вот основы византийского менталитета"⁸².

Духовная формация личностей, обладавших "органическим" мировоззрением, была в гармонии с объемно сформулированными и интуитивно восчувствованными идеалами, куда, естественно, включался и образ Царя с его мифологизированным ореолом. Но вот соотнесение этих идеалов с действительностью приносило разочарование. Приходится констатировать, что к 1917 году Царь и его имя для многих, в числе которых были и люди монархических убеждений, утратили то, что можно было бы назвать магией сакральности. И сколько бы усилий ни прилагали вожди союзов, чтобы "поднять авторитет царя и царицы" (с.221), все было тщет-

но. Причины этого – и в бурно развивавшейся событийной канве истории, и в самом Царе с его в какой-то степени отстраненно-созерцательной психологией, и в дворцовом быте, который стал проницаемым для вхождения в него в некоторых отношениях нежелательных лиц, и, в конечном итоге, в отчаянии и озлоблении народных масс, исчерпавших ресурсы терпения и обманувшихся в ожиданиях действенного вмешательства Государя в иррациональный ход жизни.

В письмах, источниках нашей статьи, говорится и о том, что монархическое движение оказалось оттесненным от главной оси политической борьбы. Со стороны иных партий оно встречало резкое неприятие, вражду и отпор, со стороны же Царя – недостаточную поддержку и даже равнодушие, о чем с горечью повествуют как руководители союзов, так и их рядовые члены. Но есть в этих письмах и то, что делает честь всякому политическому деятелю, способному смотреть на себя беспристрастно. Это – ярко заявленный мотив правдивой и совестливой самокритики. Отношение монархистов к Думе было результатом психологического герметизма, что, в итоге, привело к изоляции от общего политического контекста, а их идеи – к обесцениванию. В Переписке открыто говорится об этом. Тут же с осуждением пишется об отсутствии единства в рядах "почвенников", о неумении лидеров сплотить и вести людей за собой. Профессор истории А. С. Вязигин признавался: "Горько видеть эти печальные плоды ошибок, неумения объединять людей вокруг общего дела и единого знамени" (с.215). Однако есть и более резкая критика в адрес руководителей движения. Так, К. Н. Пасхалов пишет Н. А. Маклакову (29 октября 1915 г.): "Все правые главари исподличались и переругались, а многие изменили <...> Увы, дворянство осталось совсем в стороне от монархического движения, благодаря безучастию главарей – Самариных, Хомяковых и др." (с.169). Напомним, что десятилетием ранее этот упрек неославнофилам было высказан С. Н. Булгаковым.

В анализируемых нами текстах присутствуют и более "сильные выражения", заставляющие думать, конечно, не об их стилистике, а о чем-то неизмеримо серьезном и важном. Если раньше, до 1916 года, сетования на политические невзгоды, финансовые проблемы и проч. не сопрягались с моральными качествами руководителей, то сейчас все неудачи монархизма как общественного движения некоторыми его участниками объясняются нравственной несостоятельностью вождей. К. Н. Пасхалов, например, пишет, что утрату монархистами своих сторонников можно считать закономерной. "Это не случайность, это вырождение правых в каких-то бесплодных ублюдков, боящихся прикосновения к "черносотенцам". Марков⁸³ – интриган, Щегловитов⁸⁴ выдохся <...>; Левашов⁸⁵ – подставной человек, и даже с самим Дубровиным творится что-то неладное. Ширинский-Шихматов⁸⁶ много говорит, но ничего не делает" и т. п. (с.187).

С позиций современного политологического анализа, который тяготеет к синтезу истории и культурологии, становится ясно, что мы имеем дело не с каким-то преходящим эпизодом в жизни монархических структур. Напротив, речь идет, не больше и не меньше, как об их судьбе, точнее же, об их исторической гибели: приведенные нами материалы прямо говорят о *самоотрицании* монархизма как политического движения и одного из феноменов русской культуры. Мог ли кто предвидеть в начале XX столетия крушение Империи и ее *идеи*? Конечно же, мы знаем о пророчествах, где предсказывалось падение царизма. Об этом написаны тексты, например, А. Пушкина и М. Лермонтова. Но ведь то был литературный романтизм, которым, как считалось, трезвым людям позволительно пренебрегать. Но вот – свершилось! Пала не только Империя, но и отвергла самое себя ее *идея*. Исчезла Троя и ее герои. Однако остался миф и его памятные токи. Кто знает, жизнеспособны ли они?..

Итоги. Завершая настоящую статью, напомним один из эпизодов творческой жизни Макса Вебера. Издавая журнал "Архив социальных наук", ученый писал о том, что "это наименование охватывает историческое и теоретическое изучение тех проблем, практическое решение которых является делом "социальной политики" в самом широком смысле слова"⁸⁷. То, что *политика* играет роль одного из компонентов культуры, не подвергалось сомнению. Об этом Вебер писал следующее: "Если называть "науками о культуре" те дисциплины, которые рассматривают события человеческой жизни под углом их *культурного значения*, то социальная наука в нашем понимании относится к данной категории"⁸⁸.

Этот тезис мыслителя в наше время представляется в высшей степени важным. Политическая практика не может быть "культурно нейтральной". Случись последнее, все действия партийных и социальных элит утратили бы жизненный смысл и духовную ориентацию. Современный политологический дискурс включает в себя акцентированно выделяемую культурологическую составляющую. При этом справедливо полагается ее эвристическая плодотворность, выражающаяся в том, что с ее помощью возможно достижение адекватного понимания нынешней социальной реальности и моделирование ее будущих очертаний. Подчеркнем, что в системе данного дискурса с его "культурологизмом" одной из существенных установок выступает мысль о плюралистичности человеческого бытия и его научного постижения разными способами⁸⁹. Обратим внимание и на суждение исследователя относительно того, что в социальном пространстве сталкиваются и чередуются качественно различные культурно-исторические типы, которые, естественно, пребывают в состоянии развития. Исходя из сказанного, политологический анализ "опирается не на статическую морфологию культуры, а на *культурную динамику*, связанную с более или менее острыми реакциями культуры на односторонности и крайности предшествующих образцов социального опы-

та"⁹⁰. В представленной статье мы также стремились осмыслить изучаемую тему, (1) используя методологию "культурологизма", что (2) позволило воспринимать русский монархизм не только в качестве политического движения, но как закономерное и весьма своеобразное явление культуры и одну из форм национального духа. Воздавая должное исследованиям, посвященным монархизму, мы, вместе с тем, (3) настаиваем на необходимости изучения его как синтетического мифа, (4) взятого в аспекте морфологии. В дальнейшем предстоит разработать объем и составность этой конструкции, в данном же очерке (5) для анализа выбраны ключевые имена "Родина" и "Царь" (6) как архетипные концепты русской культурной топики. Мы полагаем, что именно (7) на архетипном уровне только и возможно эффективное изучение духовной жизни – и народа, и интеллигенции. Само собой разумеется, что (8) моменты индивидуальной нюансировки внутреннего мира личности и ее социального поведения – одни из ведущих в корпусе исследования. С другой стороны, (9) учет историко-культурной и политической репрезентативности деятельного человека является исходным методологическим пунктом нашего труда. В научном сюжете статьи такой знаковой фигурой выступает С. Н. Булгаков. Задолго до крушения монархизма как общежизненного и культурного мифа (10) он обозначил основные, неблагоприятные для этого мифа, обстоятельства в политической жизни России, а также (11) указал на слабость позиции "почвенников", имевшую для них роковые последствия. Мы расцениваем (12) его соображения как точную прогностику последующих событий. Возможно, это был первый опыт политологического моделирования.

Кроме опорных имен, (13) миф, и это понятно, обладает такими характеристиками, которые следовало бы назвать не абсолютными, а историко-культурными. Так обстоит дело и с монархическим мировоззрением. Речь идет, в частности, об известной его (14) герметичности. Если

раньше миф обладал свойствами универсализма, то это означало широкие, раскрытые горизонты видения истории, что и отвечало идеологическим запросам Империи. Однако в начале века происходит нечто загадочное и труднодостижимое, именно, отмеченное нами (15) сужение интеллектуальных перспектив в размышлениях и деятельности политизированной интеллигенции как носителя и генератора русской духовности. На примере монархистов это сказалось с особой яркостью. Дело не только в том, что (16) отодвинулись на периферию ее сознания имперскость и величие России, но и в том, что герметичность сознания (17) блокировала его диалогизм, столь необходимый в политической жизни. Однако это своеобразие общественного поведения "почвенников" вряд ли возможно свести лишь к психологическим аргументам. Явление это более сложное и масштабное по своему символическому значению.

В изучаемую нами эпоху диалогичность как принцип существования и духовной ориентации политических партий отсутствовал не только у монархистов. Интеллигенция в составе кадетов и иных аналогичных сообществ в такой же мере демонстрировала глухоту по отношению к *другим*, к *другости* вообще. Причина этого не в личных антипатиях или прихотливой капризности вождей, а в том, (18) что политический ландшафт эпохи – это арена столкновения двух типов ментальности, восходящих, соответственно, к двум культурам – традиционной (или, по не совсем точному определению, архаической) и авангардистской, получившей в современной политологии название модерна⁹¹. О комплиментарных отношениях между партиями тут не могло быть и речи. И это при том, что в составе политических союзов и сообществ было множество людей интеллектуальных профессий. Как нами указывалось, у тех же монархистов ведущие роли играли академики и профессора, учителя и врачи, журналисты и служители культа, а также юристы и люди с опытом государственно-административной деятельности. Вполне вероятно, что, по закону па-

радокса, это обстоятельство и служило преградой для общения и согласия: ведь за плечами "почвенников" стояла тысячелетняя русская культура, впитавшая в себя великое наследие Эллады, Рима и Византии, тогда как политический модерн выглядел самозванцем и неизвестно откуда взявшимся выскочкой.

Комплекс идей, составляющий корпус "почвеннического" мифа, включал в себя классическую парадигму развития государства и общества. Эта парадигма возводилась на принципе эволюционно-поступательного движения и потому отличалась известной монотонностью, чего, как пишет А. С. Панарин, "ни история, ни культура не терпят. Большие общественные движения, яркие идеи и характеры, имеющие шанс всецело завладеть вниманием современников, основываются не на ритмике монотонного прямолинейного движения, а на логике культуры, живущей законами драмы"⁹². Может быть, поэтому (19) монархизм как политическое движение был оттеснен на периферию социального и культурного контекста. Ситуация осложнялась и внутренними противоречиями Союзов, что (20) находилось в прямой связи с десакрализацией образа Царя, а также с утратой необходимой ауры величия вождями движения. Все это (21) дало нам право говорить о самоотрицании монархизма и как доктрины, и как организованного сообщества. Однако не следует спешить с окончательными выводами, ибо в системе духовной культуры есть не только политические, но и другие, в частности, ценностные аспекты. Именно с этих позиций (22) русский консерватизм представляется большой, и прежде всего духовной, величиной. Мы писали о том, что (23) монархизм есть философия устоев и стабильности, (24) достигаемых с опорой на принцип изоморфного представительства: Бога – в лице Церкви и Царя, а тех – в теле народа, который предстает в облике каждой отдельной личности. (25) Ореол исходящей от Всевышнего сакральности и благодати осеняет жизнь нации и государства, равно как и индивидуального

человека. В системе традиционной культуры (26) эта идея пронизывающего единства имеет огромное значение, благодаря своему ценностно-охранительному пафосу. Наряду с отмеченными качествами, следует помнить и (27) об эстетизме данной мироустроительной схемы. Обобщенно говоря, ценностью она обладает потому, что (28) воплощает в себе неустранимый архетип гармонии, спасающей человека от пагубного релятивизма, угрозы экзистенциальной зыбкости и неуверенности. (29) На этом архетипе и базировалась культура России. Интеллигенция монархического склада в своей политической борьбе, отстаивая идею Родины и Царя, прекрасно понимала то, что ныне научно осознано и подтверждено историческим опытом России: "<...> разрушение традиций и верований, всего каркаса национальной культуры гарантирует не успех "либерализации", а развал и поражение"⁹³.

Вышеприведенная итоговая схема служит не только формальным заключением данной статьи; хотелось бы надеяться, что она имеет шансы быть типологической характеристикой «почвенничества», проявившегося в политике и представшего как одна из сторон национальной духовности⁹⁴

Примечания

¹ См.: *Поршнев Б. Ф.* Контрсуггестия в истории // История и психология. М., 1971.

² См.: *Урманцев Ю. А.* О формах постижения бытия // *Вопр. философии.* 1993. №4. С.102. Вот почему в "счастливые" эпохи (так ли уж их много?) наблюдается сближение собственно мифа и разнообразных интеллектуальных систем, что дает нам право говорить как о единстве внутренних, духовных энергий истории, так и о ее национальном своеобразии. Дистанцируясь от утопических грез об абсолютной гармонии разноуровневых сфер культуры, приведем слова Б. Кроче о том, что "утонченные души и возвышенные умы всегда умели найти и услышать в мифе идеальный смысл. Класс интеллектуалов не только открыт новым компонентам, идущим от народа, он готов обдумывать мифы, перерабатывать и интегрировать их с истиной моральных требований" (*Кроче Б.* Антология сочинений по философии. Спб., 1999. С.275). Заметим, что данная проблема подвергнута специальному анализу в главе "Политическая истина и популярный миф" одного из сочинений мыслителя. См.: *там же.* С.272-275. Однако история показывает, что задача согласования мифа с истиной и моралью – далеко не из легких, а иногда и просто невыполнима. Есть мифы, где хтоника возведена в жизненный принцип. Некоторые, связанные с этим, в полном смысле исторические, обольщения – дол-

говечны. Их ложность и деструктивность не всегда осознаются современниками, но постигаются значительно позже. Единство истины, добра и красоты, на чем строилась классическая культура, тут разрушается, в результате чего *моральный* смысл деятельности некоторых персонажей, в частности, отечественной истории не поддается традиционному романтизированному толкованию. Эту проблемность обязан учитывать непредвзято мыслящий исследователь, дабы не обрекать свои труды устареванию в будущем. В числе произведений с непродолжительной жизнью могут оказаться сочинения, даже и фундаментальные по стилю исполнения. Причина такой, всегда огорчительной, возможности заключается в известной ослепленности автора какой-либо односторонней идеей, например, о благой роли тотальной революционности, ставящей своей целью "свержение", "разгром", вообще абсолютное отрицание существующих форм жизни и, следовательно, традиционной морали. Серьезных работ по проблеме *слома* экономических и социальных устоев общества – огромное количество, но многие из них не выдерживают критики в свете нравственных критериев и требуют концептуального пересмотра. Далеко не худший пример см.: *Троцкий Н. А.* Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма 1866-1882 гг. М.,1978; *он же.* Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866-1895 гг. М.,1979

Неотъемлемость мифа, в частности хтонического, от истории – до сих пор остается актуальной темой. Небезынтересно, что вопрос о возникновении мифологии с сопутствующими ей образами активно обсуждался интеллигенцией, даже и находившейся в невероятно тяжелых условиях ГУЛАГа (см.: *Лихачев Д. С.* Избранное: Воспоминания. Изд. 2-е. СПб.,2001. С.301). Еще в 1918 году А. А. Мейер обозначил эту проблему в лекции "О праве на миф" (см.: *Мейер А. А.* Философские сочинения. Париж,1982. С.96-100). В знаменитой "Диалектике мифа", опубликование которой принесло автору столько несчастий, А. Ф. Лосев зафиксировал опорные фразы, эти семантически густотные ядра идеологического дискурса, выдвинутого социально низовым сознанием пришедших к власти революционеров (подробнее об этом см.: *Раков В. П.* Миф, меон и логос: (Риторическое слово в художественных произведениях и письмах А. Ф. Лосева из лагеря) // "Серебряный век". Потаенная литература. Иваново,1997. С.187). Так что эпоха предстала в формах мифо-языковой выразительности, обнажившей потаенные комплексы властителей. Интеллигенции, безусловно, приходилось считаться с этим. Нет ни одной отрасли гуманитарного знания, которая не реагировала бы на это явление. Мы, таким образом, указываем на проблематику культуры, обязанную стать предметом изучения со стороны интеллигентоведов.

³ См.: *Мелетинский* Поэтика мифа. М.,1976. С169. См. также: *Косарев А.* Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. М.,2000. С.5-12.

⁴ *Аверинцев С. С.* "Скворещниц вольных гражданин..." Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.,2001. С.44.

⁵ Здесь необходимо указать на почти полное отсутствие работ, в которых можно было бы найти адекватное объяснение "безмыслия" как существенного онтологического признака мира и состояния личности в известные периоды ее жизни. Интеллигентоведение еще молодо, но уже сейчас оно должно проявлять исследовательский интерес к этой проблеме. Относящиеся сюда материалы обширны и обладают общегуманитарной значимостью. Приведем лишь один пример.

Определяя главное в своей творческой индивидуальности, А. Ф. Лосев в письме к своей супруге (в 1932 г., из лагеря в лагерь) писал: "Имя, Число, Миф – стихия нашей с тобой жизни, где уже тонут отдельные мысли и внутренние стремления, и водворяется светлое и безмысленное безмолвие вселенской ласки и любви" (*Лосев А. Ф.* Повести. Рассказы. Письма. СПб.,1993. С.374). Как видим, мыслитель называет имена, несущие в себе не только проблематику его научных трудов, но и выражающие стихию жизни – со всем тем, что в дискурс не укладывается, потому что "безмысленно", никак не структурируется, ибо выступает в бесформенности "безмолвия", "ласки и любви". Все это, следовательно, вбирается не

столько именами, сколько вырастающим на их основе мифом. Историк культуры, вероятно, обратит внимание на содержащийся в приведенной цитате момент внутреннего созерцания, связанного с интуициями света, ласки и любви. Это – характерная иллюстрация к той "русскости" сознания, о которой, в свое время, писал И. А. Ильин, фиксируя наличие названного элемента не только в национальной поэзии, но и в медицине и даже в математике (см.: *Ильин И. А. Наши задачи*: В 2-х т. М., 1992. Т.1. С.304).

⁶ *Хейзинга Й.* Осень Средневековья. М., 1988. О плодотворности методологии русской историографии для интеллигентоведческого дискурса см.: *Раков В. П.* Из истории интеллигентского дискурса: Когнитивный стиль Ап. Григорьева // *Интеллигенция и мир*. Российский научный журнал. 2001. №1. С.19-20,25.

⁷ См.: *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.285.

⁸ *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С.15.

⁹ *Коллингвуд Р. Дж.* Автобиография // *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С.389.

¹⁰ Там же. С.388.

¹¹ Речь идет о традиции, которую современный исследователь назвал эстетической, отметив при этом, что она подверглась психологизации и таким образом встала вослед дильтеевской теории "переживания", сводящейся к следующему: "<...>жизненный материал должен так или иначе стать внутренним переживанием писателя, должен быть освоен им внутренне, стать его личным материалом и только затем уже, как материал одновременно внутреннего самораскрытия души, должен выдаваться наружу <...>" (*Михайлов А. В.* Йохан Хейзинга в историографии культуры // *Хейзинга Й.* Осень Средневековья. С.420).

¹² См.: *Кнабе Г. С.* Русская античность. М., 2000. Подробнее об этой книге см.: *Раков В. П.* Русская интеллигенция и энтелехия культуры // *Интеллигенция и мир*. Российский научный журнал. 2001. №2-3. С.170-178.

¹³ См.: *Панченко А. М.* Не хочу быть интеллигентом // *Московск. новости*. 1991. №5.

¹⁴ См.: *Зиновьев А.* Гибель русского коммунизма. М., 2001. Вероятно, не будет лишним воспроизвести здесь, хотя бы фрагментарно, соответствующие суждения автора. Он пишет: "У России нет своей национальной интеллигенции, способной сплотить народ и вдохновить его на новый подъем исторического масштаба. За редким исключением, российские интеллектуалы уже в хрущевские годы сами стали заражаться и заражать соотечественников умонастроениями антипатриотизма, антикоммунизма, антисоветскости и пресмыкательства перед западной идеологией и западным образом жизни <...> Российская, холуйская по натуре (холуйская как по отношению к своей власти, так и по отношению к Западу) интеллигенция подготовила население страны к эпидемии предательства, начавшейся в 1985 году, всячески поддерживала процесс разрушения страны и закабаления ее преступниками и коллаборационистами <...> Теперь стремительно складывается новая, скороспелая интеллигенция <...> Она есть воплощение буйства и торжества бездарности, глупости, пошлости, подлости, безнравственности и прочих явлений современной массовой культуры <...> Она не способна создать оригинальную национальную культуру высокого уровня, достойную великого народа. <...> создаваемая ею культура является ублюдошной вдвойне: она к бездарности псевдокультуры Запада присоединяет свою собственную сверхбездарность" (с.152-153).

"Образованщина" – это тоже о ней. Некоторые авторы считают данное определение уничижительным, другие – справедливым. Как и в иных случаях, у противостоящих друг другу полемистов имеются веские аргументы "за" и "против". Как бы то ни было, ясно одно: тема интеллигенции, начиная с генезиса и развития этого понятия – в его реальной человеческой истории, – заслуживает специального и систематического исследования. Проблема культурных, особенно – нравственных, традиций и преемственности – одна из острейших. При реалистическом взгляде на историю русского духа открывается неутешительная истина: в XX веке интеллигенция во многом утратила *русскость*, если под этим термином пони-

мать не пресловутый и не русскими надуманный национализм, а своеобразие великой культуры, в том числе и входящий в нее стиль духовного и социального поведения человека, что, собственно, и определяет его, по Пушкину, "самостоянье". Поэтому, как пишет современный исследователь, "высокий смысл имело бы появление в конце концов совершенно новой российской интеллигенции, которая бы (в ее гуманитарных слоях) в корне отличалась бы как от гуманитарной советской интеллигенции с ее ограниченностью и примитивизмом, так и в особенности от фрондирующей или диссидентской с ее, мягко говоря, предательством по отношению к России" (*Мамлеев Ю.* Россия вечная. М.,2002. С.178.)

¹⁵ *Кожин В. В.* Победы и беды России: Русская культура как порождение истории. М.,2000. С.317.

¹⁶ Этот сюжет впервые намечен В. В. Кожинным, глубоко изучившим историографию проблемы. Ученый указал на многочисленные искажения, допущенные исследователями в анализе и оценках политической ориентации "правых" (см.: *Кожин В.* Россия: Век XX (1901-1939). М.,2002. С.18-139). Для выработки адекватных представлений об их деятельности см. ценные материалы: "Правые в 1915 - феврале 1917: По перлюстрированным Департаментом полиции письмам. Публикация Ю. И. Кирьянова // Минувшее. Исторический альманах. 14. М.-СПб.,1993. С.145-225. (Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в скобках). Внимательное изучение вопроса, однако, показывает, что эта тема не вошла, как можно было бы ожидать, в русло академически взвешенного и объективного анализа. Напротив, ее идеологизированный накал возрастает, деформируя сам предмет обсуждения. Специально и подробно об этом см.: *Кара - Мурза С.* Евреи, диссиденты и еврокоммунизм. М.,2002. С.70-76. См. также: *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Ставрополь,1992. Т.1, особенно с.64-142.

¹⁷ *Блок М.* Указ. соч. С.8.

¹⁸ Его объемную характеристику см.: *Раков В. П.* Новая "органическая" поэтика. Иваново, 2002. В книге анализируются материалы из области философии, историографии, социологии, психологии, эстетики и литературоведения.

¹⁹ *Мамлеев Ю.* Указ. соч. С.8.

²⁰ Там же. С.48.

²¹ *Шульгин В. В.* Годы. Дни. 1920 год. М.,1990. С.529.

²² *Лосев А. Ф.* Миф – развернутое магическое имя // *Лосев А. Ф.* Миф. Число. Сущность. М.,1994. С.217.

²³ *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа // Там же. С.151.

²⁴ См.: *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг. М.,1990.

²⁵ *Кожин В. В.* Россия: Век XX (1901 - 1939). М.,2002. С.12.

²⁶ *Булгаков С. Н.* Агония // *Христианский социализм* (С. Н. Булгаков). Новосибирск,1991. С.299.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С.302.

³¹ См.: *Акулинин В. Н.* С. Н. Булгаков: Вехи жизни и творчества // *Христианский социализм* (С. Н. Булгаков). С.7.

³² *Булгаков С. Н.* Указ. соч. С.302.

³³ Там же. С.305.

³⁴ Там же. С.303.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: *Данте А.* Монархия // *Данте А.* Малые произведения. М.,1968.

³⁸ *Ильин И. А.* Из лекции "Понятия монархии и республики" // *Ильин И. А. Собр. соч.:* В 10 т. М., 1994. Т.4. С.545.

³⁹ См.: там же. С.546.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См.: *Евлампиев И. И.* Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб., 1998. С.254. Впрочем, здесь же автор пишет о "неэффективности идей Ильина для конкретного анализа национальной духовности". Это – слишком категорический вывод. Он базируется на том основании, что мыслитель весьма критично относился к искусству модернизма. Что верно, то верно, но суть дела заключается в том, что эстетика Ильина находится в классической парадигме понятий и оценок, благодаря чему, заметим, мыслителю удалось создать редкостные по своей содержательности и глубине произведения о русском фольклоре и литературе, а также по теории художественного творчества (см., напр.: *Ильин И. А.* Одинокий художник. М., 1993). Все это свидетельствует о плодотворности методологической системы координат, сформулированной Ильиным. В истории науки часто бывает так, что эвристические средства, принятые тем или иным ученым, в чем-то совпадают с его ментальной спецификой, а в чем-то – не сопрягаются с им же принятой системой ценностей, особенно эстетических. Но это совсем не значит, что методологические идеи того же Ильина "неэффективны". Мы будем правы, если скажем, что оценка его общефилософской системы с ее классической парадигмой воззрений, в том числе и эстетических, не может находиться в прямой зависимости от эпохального семиозиса. Ценностный смысл всякой теории заключается не в том, совпадает она или не совпадает с тенденциями и конвенциональными установлениями времени, а в том, имеет ли она профетическое содержание. Его-то мы и находим в сочинениях Ильина, открытых для полемического диалога культур традиционного и неклассического типов.

⁴² *Ильин И. А.* Путь духовного обновления // *Ильин И. А. Собр. соч.:* В 10т. Т.1. С.174.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С.175.

⁴⁵ *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. С.44.

⁴⁶ См.: *Бибихин В. В.* Язык философии. М., 1993. С.361-371.

⁴⁷ По поводу указанных хронологических рамок Ю. И. Кирьянов пишет следующее: "Конечная дата не нуждается в обосновании. Что же касается начальной, то она также вполне правомерна, так как именно к этому времени относилась активизация правых, выразившаяся в подготовке совещаний, съездов как противовеса уже состоявшимся съездам общественных организаций. Осенью 1915 съезд (или совещание) правых <...> должен был парализовать впечатление от выступлений левых в Гос. думе и "стабилизировать" напряженную обстановку в стране" (с. 149). На сегодняшний день ощущается отсутствие специальных работ о деятельности "правых" организаций. Назовем труды общего характера, где так или иначе разрабатывается названная тема: *Комин В. В.* История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России: В 2-х частях. Калинин, 1970; *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977; *он же.* Россия: 1917: Из истории борьбы политических партий. М., 1987.; *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. Само собой разумеется, что система политических оценок, принятая авторами данных трудов, требует известной коррекции. Последняя определяется как общегуманитарным смыслом, так и новизной культурологических парадигм, в системе которых осуществляются современные исторические исследования. Скажем и о другой стороне проблемы, не включая ее обсуждение в основной текст статьи. Всякая политическая партия, за исключением тех, которые исповедуют методы и представления, почерпнутые, условно говоря, из "эпохи дикости", стремится сблизить свою программу с актуальными жизненными и собственно духовными ценностями. Этим полагается наличие в их рядах не кого иного, как интеллигентов с заметной их ролью в общей массе членов. В истории так оно и было. Что же касается организаций "правых", то в их состав входили люди, имевшие опыт министров правительства, а также общественные

деятели, представители государственного аппарата и местной администрации, военные, священнослужители, ученые и преподаватели. В фонде, с материалами которого мы имеем дело, находим переписку партийного характера видных деятелей науки и высшей школы – академика А. И. Соболевского, профессоров С. В. Левашова, А. С. Вязигина (Харьков), Ю. А. Кулаковского (Киев), В. Ф. Залесского (Казань), архиепископа Харьковского Антония, архимандрита Почаевской лавры Виталия, протоиерея М. Алябовского (Киев) и др.

Организационно "правые" объединялись в несколько структур, каждая из которых имела собственное название: Союз русского народа (Председатель – А. И. Дубровин), Союз русского народа (Н. Е. Марков), Союз русских людей имени Михаила Архангела (В. М. Пуришкевич), Астраханская народная монархическая партия (Н. Н. Тиханович-Савицкий), Киевское патриотическое общество молодежи "Двуглавый орел" (Д. Е. Куделенко и др.), Отечественно-патриотический союз (В. Г. Орлов) и др. (см.: с.146-147).

⁴⁸ *Милюков* Павел Николаевич (1859 – 1943) – историк и политический деятель. Основатель и лидер партии кадетов. Депутат Гос. Думы <...> Министр Временного правительства. После 1917 – эмигрировал (с.163).

⁴⁹ *Шульгин* Василий Витальевич (1878 – 1976) публицист и политический деятель. Член Гос. Думы 2 – 4 созывов <...> (с.167).

⁵⁰ Не развивая этот аспект темы, укажем на два имени – поэта и мыслителя, которые внесли вклад в разработку проблемы. Это – А. Блок с его идеей универсально понимаемой женственности (все-таки – иной, нежели философские коннотации вокруг данного понятия в трудах В. С. Соловьева) и – Н. А. Бердяев, положивший в основу национальной характерологии концепт "вечно бабьего" (см.: *Бердяев Н. О "вечно бабьем" в русской душе // Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990*). Ценно не только то, что у поэта и философа дана, у каждого – оригинальная, метафизика проблемы, но и то, что у Блока она предстает в свете интимно-болевого ощущения:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!

(*Блок А. На поле Куликовом // Блок А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т.3. С.158*). Это – преимущество поэзии в диалоге с наукой. Первой дозволено и даже требуется от нее "осердечить" произносимое, вторая же призвана хладнокровно оценить меру глубины – той самой, куда проникает чувственное око сердца. О проблеме национальной идентификации, связанной с указанными образами, см.: *Рябов О. В. Русская философия женственности (XI – XX века). Иваново, 1999; он же. Матушка-Русь и ее защитники: гендерные аспекты конструирования образа русской интеллигенции в контексте историософских поисков национальной идентичности // Интеллигенция и мир. Российский научн. журнал. 2001. №2/3*.

⁵¹ *Тальберг* Николай Дмитриевич (1886 – после 1950) – дворянин, историк, публицист. В годы войны чиновник особых поручений при министре внутр. дел. Был непримиримым сторонником восстановления кодификации Основных законов империи в том виде, в каком она существовала до царского Манифеста 17 окт. 1905 <...> В мае 1921 был участником "всероссийского съезда монархистов" в Рейхенгале (Германия). После Второй мировой войны переехал в США (с.210).

⁵² *Дудниченко* Иван Иванович (1887 – ?) – херсонский мещанин. Из семьи офицера. К 1915 – уполномоченный Главной палаты Союза русских людей в Бессарабии, входил в состав редакционной комиссии подготовленной СРЛ "Книги русской скорби". В ноябре 1915 – секретарь президиума совещания монархистов в Н. Новгороде. В годы войны проживал в Одессе, где организовал бюро правой печати. [По характеристике современника]: "Умен, горяч, живой, замечательно работоспособен и грамотен" (с. 168 – 169).

⁵³ *Соболевский* Алексей Иванович (1857 – 1929) – филолог, академик (с 1900), т. сов., член Гос. совета. Специалист по русскому языку, один из зачинателей его исторического изуче-

ния. Профессор Киевского и Петербургского университетов. Руководитель Славянского общества. Член Главного Совета Союза русского народа, но в 1910 отказался от этого звания, мотивируя это нежеланием быть причастным к дележу "темных денег". В годы войны пользовался влиянием среди провинциальных монархистов (с. 161 – 162).

⁵⁴ См.: *Раков В. П.* Интеллигент и миф // Интеллигенция современной России: Духовные процессы, исторические традиции и идеалы. Иваново, 2002. С.47.

⁵⁵ *Пуришкевич* Владимир Митрофанович (1870 – 1920) – бессарабский помещик, политический деятель, публицист и стихотворец. По окончании историко-филологического факультета Новороссийского университета (Одесса) был избран Аккерманским уездным и Бессарабским губ гласным, в 1898 – председатель Аккерманской уездной земской управы. <...> Один из лидеров фракции правых в Гос. Думе 2 – 4 созывов.

Член Совета Русского собрания, один из основателей и товарищ председателя Главного Совета СРН. В 1907 основал Союз Михаила Архангела <...> 18 ноября 1917 арестован Петроградской ЧК. Осужден на 4 года принудительных работ. Весной 1918 амнистирован, уехал на Юг, издавал в Ростове-на-Дону журнал "Благовест". Скончался в Новороссийске от сыпного тифа (с. 160).

⁵⁶ *Тихменев* Николай Петрович – публицист и литератор. В 1904 – редактор "Ревельских известий", в 1912 – "Русского избирателя" (Вильна) и "Земщины", в 1913 – 1916 – "Волги" (Саратов). В годы войны – пред. Саратовского отдела СРЛ (с. 177).

⁵⁷ См.: *заклинать* – <...> запрещать под страхом проклятия, кары небесной; заговаривать, заговаривать, заколдовывать <...> *Заклинатель* <...> вызыватель духов или повелевающий ими (*Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.,1955. Т.1. С.586).

[2]*заклинать* – <...> подчинять себе, произнося магические слова. (*Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.,1964. С.202).

⁵⁸ *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции // *Лихачев Д. С.* Раздумья о России. СПб., 2001. С.616.

⁵⁹ *Соолженицын А. И.* Двести лет вместе (1795 – 1995). М.,2001. Ч 1. С.474.

⁶⁰ *Пасхалов* Клавдий Никандрович (1843 – 1924) – <...> литератор и общественный деятель <...> К 1915 – д. ст. сов., член Русского собрания (с 1911) <...> Председатель монархического съезда в Н. Новгороде в 1915 (с.165).

⁶¹ *Маклаков* Николай Алексеевич (1871 – 1918) – <...> член Гос совета, в 1912 – 1915 – министр внутр. дел. Противник Гос. Думы <...> В среде некоторых правых рассматривался как "сильная фигура", способная установить в стране порядок <...> Арестован при ВП, расстрелян ВЧК. (с.165)

⁶² *Милюков П. Н.* Воспоминания. М.,1990. Т.2. (1859 – 1917). С.178.

⁶³ *Тиханович-Савицкий* Нестор Николаевич (1866 – после июля 1917) – <...> председатель Астраханской народной монархической партии. <...> В 1915 – 1917 стремился к объединению провинциальных отделов СРН, был одним из главных организаторов монархических совещаний и съездов, участвовал в выработке некоторых программных документов. 10 марта 1917 был арестован без предъявления какого-либо обвинения <...> 3 июля был освобожден и вскоре с разрешения местного исполкома выехал для лечения на Сев. Кавказ. (с.158-159)

⁶⁴ *Кара-Мурза С.* Столыпин – отец русской революции. М.,2002. С.160.

⁶⁵ См.: *Кара-Мурза С.* Европоцентризм – эдипов комплекс интеллигенции. М.,2002. С.151.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См.: *Успенский Б. А.* Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М.,1976.

⁶⁸ *Успенский Б. А.* Указ. соч. С.292.

⁶⁹ Там же. С.286.

⁷⁰ См.: *Тойнби А. Дж.* Постигание истории / Пер. с англ. М.,1991.

⁷¹ *Тойнби А. Дж.* Указ. соч. С.429.

⁷² Там же. С.427.

⁷³ Адресат цитируемого письма – А. И. Дубровин. Приведем краткие сведения о нем. *Дубровин Александр Иванович* (1855 – 1921) – детский врач, ст. сов., с 1905 – основатель, почетный и действительный председатель СРН, редактор-издатель его печатного органа – газеты "Русское знамя". <...> В 1915 принимал участие в совещаниях правых в Петрограде и Нижнем Новгороде.

После февраля 1917 арестован и помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, но вскоре освобожден в связи с состоянием здоровья. В декабре 1920 арестован ВЧК. Расстрелян. (с.159)

⁷⁴ См.: *беречь* <...> хранить, оберегать, прятать, жалеть и заботиться о ком, о чем; угощать (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. С.84). Интересно и следующее: *оберегать, оберечь* что – *охранять* <...>, защищать, укрывать, отстаивать, стеречь, хранить в целостности, сторожить, заботиться уходом (там же. Т.2. С.579).

⁷⁵ *Скворцов Я. Д.* – рабочий, секретарь организации СРН на Даниловской мануфактуре в Москве. В ноябре 1916 под влиянием заявления В. М. Пуришкевича о выходе из фракции правых в Думе пожелал выйти из организации, оставаясь "беспартийным монархистом" (с.209).

⁷⁶ *Бердяев Н.* Русская идея // *Византизм и славянство: Великий спор.* М.,2001. С.617 – 618. Заметим, что эту сторону русского монархизма историки, а в последнее время и политологи, недостаточно актуализируют как гуманитарную ценность. Сознание исследователей настолько травмировано идеологизированным дискурсом, что, кажется, нам придется еще запастись терпением, чтобы дождаться объективных книг и статей по затронутой Бердяевым теме.

⁷⁷ *Леонтьев К.* Византизм и славянство // *Византизм и славянство: Великий спор.* С.43.

⁷⁸ *Федотов Г. П.* Судьба Империй // *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. СПб.,1992. Т.2. С.317.

⁷⁹ *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М.,1991. С.387 – 391.

⁸⁰ *Карсавин Л. П.* Основы политики // *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн.* М.,1993. С.177.

⁸¹ *Власов С.* Константин Великий. М.,2001. С.172.

⁸² Там же. С.173. Выше мы писали о топике тысячелетней русской культуры. Здесь мы имеем возможность дать иллюстрацию к этой мысли, сославшись на цитируемый труд. "Византия, – пишет его автор, – просветила наших предков <...> светом новой веры, дала им богослужебный язык и письменность. Византийское пристрастие к яркости и красочности передалось и русской традиции иконописи. Византийская любовь к плавному ритму слов предвосхитила тягу русского народа к поэзии церковных песнопений. Византийская религиозная одержимость предшествовала подвигам русских монахов и чудотворцев..."

Под влиянием Византии сложилось государственное устройство многих славянских стран, развились их литература и искусство. От Византии к нам перешли знаки верховной государственной власти: держава, скипетр, бармы – драгоценные оплечья, надеваемые во время коронации.

Один болгарский князь говорил, обращаясь к византийцам: "От вас на все страны добрый закон исходит" (Указ. соч. С.173 – 174).

⁸³ *Марков Николай Евстигнеевич* (1866 – 1945) – курский помещик, инженер. Высшее образование получил в Институте гражданских инженеров. Видный деятель съездов "Объединенного дворянства". В 1905 основал в Курске "Партию народного порядка", слившуюся с СРН, член Главного Совета СРН. В 1910 основал свой СРН. Один из лидеров фракции правых в Гос. Думе 3-го и 4-го созывов. С 1915 был членом Особого совещания по обороне государства (от Гос. Думы).

В 1918 – 1920 находился при армии ген. Н. Н. Юденича. Эмигрировал. В 1921 – 1931 – председатель Высшего монархического совета. Издавал газету "Двуглавый орел". Скончался в Висбадене (с.159 – 160).

⁸⁴ *Щегловитов Иван Григорьевич* (1861 – 1918) черниговский помещик. До 1905 – сотрудничал в либеральных газетах. В 1905 выступал обвинителем по делу И. П. Каляева, в 1906 – 1916 – министр юстиции, сенатор, член Гос. Совета, с 1 января 1917 – председатель Гос. Совета. В 1915 был председателем Петроградского совещания правых; на этом совещании был избран Председателем Совета Монархических Единений, но осенью 1916 отказался от этого звания. После февраля 1917 – арестован Временным правительством. Расстрелян ВЧК. (с.176)

⁸⁵ *Левашов Сергей Васильевич* (1856 – ?) – тульский помещик. По окончании Медико-хирургической академии был оставлен для усовершенствования при клинике проф. С. П. Боткина, а затем командирован за границу <...> В 1908 – 1913 – профессор и ректор Новороссийского университета (Одесса); гласный гор. Думы и почетный мировой судья Одессы; д. ст. сов. Член 4-й Гос. Думы, товарищ председателя фракции правых; участник и один из докладчиков на совещании монархистов в Петрограде 21 – 23 ноября 1915, где был избран товарищем председателя (с.188).

⁸⁶ *Ширинский-Шихматов Андрей Александрович* (1868 – 1927) – князь, тверской помещик, камергер. В 1913 – и. д. Саратовского губернатора, с 1915 – член Совета министра внутренних дел. После 1917 эмигрировал. В мае 1921 на монархическом съезде в Рейхенгале (Германия) избран в Высший монархический совет (с.177).

⁸⁷ *Вебер М. "Объективность" социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избр. произведения / Пер. с немецк. М.,1990. С.363.*

⁸⁸ Там же. С.364.

⁸⁹ См.: *Панарин А. С. Политология. М.,2000. С.17..*

⁹⁰ Там же.

⁹¹ См.: *Панарин А. С. Указ соч.*

⁹² Там же. С.18.

⁹³ Там же. С.437 – 438. Нынешней политизированной интеллигенции необходимо знать это, а также помнить, "что русская культура – иная по типу, чем культура Запада" (*Лихачев Д. С. Мифы о России старые и новые // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.,2001. С.63.*)

⁹⁴ Само собой разумеется, что эта схема не может претендовать на название исчерпывающей – хотя бы потому, что исследуемая тема – обширна, а число персонажей консервативной ориентации огромно. Впереди – не только задача преодоления стереотипных оценок "правых", но и научная проверка суждений некоторых русских мыслителей, воспринимавших людей с монархической идеологией из "эмигрантского далека". Так, нельзя пройти мимо статьи И. А. Ильина «Черносотенство – проклятие и гибель России», в свое время напечатанной в малоизвестной газете «Слово» (Рига) в №№ 89-90 за 1-3марта 1926г. А. Е. Климов (США) подготовил эту работу для публикации в журнале «Вопросы философии» (см. №9 за 1994 г.). На экземпляре газетной статьи И. А. Ильин сделал пометку: «Мое заглавие было просто "Черносотенство" ». Если помнить слова о том, что « "мышление в самих фактах" (а не использование фактов для выработки общих положений) представляется наиболее плодотворным методом изучения истории» (*Кожин В. Россия. Век XX (1901 – 1939). М.,2002. С.7.*), то текст статьи мыслителя далеко не во всем можно считать убедительным. Подобные труды нуждаются в обстоятельном рассмотрении с высоты концептуальных достижений в исследовании тематизируемого материала.